

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

IV международная научная конференция

Москва, 18–20 октября 2007 г.

Доклады и материалы

Секция 1

**ДУХОВНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА И СОДЕРЖАНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Часть 2

Издательство Московского гуманитарного университета

2007

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 07-06-14053г)

В93 **Высшее образование для XXI века: IV** международная научная конференция. Москва, 18–20 окт. 2007 г. : Доклады и материалы. Секция 1. Духовное развитие человека и содержание высшего образования / отв. ред. П.С. Гуревич. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2007. — 84 с.

В выпуске публикуются материалы докладов, представленные участниками IV международной научной конференции «Высшее образование для XXI века».

Ответственный редактор:
доктор философских наук, доктор филологических наук,
профессор П. С. Гуревич

© Авторы докладов, 2007.

© МосГУ, 2007.

ПРОБЛЕМНЫЙ АНАЛИЗ РЕЛИГИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Вузовская система образования опирается на школьную и развивает её на новом более углубленном и специализированном по содержанию этапе. У них ряд общих задач и связанных с их решением трудностей, поэтому тему религиоведения в высшей школе мы рассмотрим в связи с теми весьма острыми и непримиримыми дискуссиями, которые ведутся в последнее время вокруг перспективы преподавания знаний о религии в нашей общеобразовательной школе.

Необходимость донести до учащихся знания о религии не подвергается сомнению, споры идут о его содержании, а главное – о его интерпретации в том или ином мировоззренческом плане. В этом вопросе столкнулись две непримиримые позиции: конфессиональная и объективно-научная.

Конфессиональная точка зрения, как правило, отличается узким догматизмом и враждебностью ко всякому инакомыслию, которое не только осуждается с позиции данного, единственно «истинного» верования, но и отвергается как неприемлемое в морально-этическом и общекультурном отношениях.

При этом неизбежно дискредитируется религиоведение, свободное от конфессиональных шор, его не считают наукой на том основании, что объективный подход к религии не позволяет постичь субъективный, сугубо индивидуальный духовный мир верующего. Необходимо «понимающее» отношение к религии при её изучении. Иными словами, религию можно постичь лишь «изнутри», сделав её своим личным убеждением, мировоззрением и ценностной ориентацией. В результате возникает герменевтический круг: религию можно понять только в рамках веры, т.е. на основе самой же религии. Получается тавтология: «масло масленое».

С конфессиональной точки зрения неправоммерно преувеличивается значение религии в моральном регулировании общества и в нравственном воспитании человека, поскольку игнорируется специфика самой же религии: доминирование её сакральных приоритетов, которые «не от мира сего», над этическими, регулируемыми взаимоотношения между людьми в этой реальной, земной жизни. К тому же «религиозная мораль» в реальной жизни имеет конфессионально ограниченную область распространения, не совпадающую с масштабами современного

общества, которое плюралистично и полиморфно в мировоззренческом и культурном планах.

Однако у сторонников конфессиональной точки зрения нет единодушия в решении вопроса о возможности введения в государственную систему образования предмета религиозного содержания. Здесь их мнения резко разделились. Одни отрицают эту возможность, ссылаясь на печальный опыт преподавания «Закона Божьего» в дореволюционной школе. Другие решительно настаивают на введении в современной светской школе преподавания «Основ православной культуры», а в вузе – теологии. Такое устремление доминирует в церковных кругах и оно уже практически реализуется в довольно широких масштабах вопреки Конституции и федеральному законодательству.

При этом молчаливо предполагается, что религия не должна быть рядовым учебным предметом, школа и вуз должны быть местом получения религиозного образования и неразрывно связанного с ним религиозно-нравственного воспитания. Напомним, что «Закон Божий» был главным предметом в царской школе, и сегодняшняя попытка заменить его «Основами православной культуры» означает сохранение стародавней ориентации на конфессионализацию школы за декоративным фасадом современной «культурологии».

Сугубо конфессиональная мотивация введения курса «Основ православной культуры» свидетельствует о том, что данный стратегический план ничто иное, как троянский конь Церкви, которого под благовидными предложениями нравственного оздоровления молодого поколения и спасения нации от коллапса культуры завезли ныне на заповедную от любых конфессиональных влияний территорию нашей светской школы, с тем чтобы навязать ей религиозное образование и воспитание. Стремясь завуалировать подлинный замысел этого проекта, дьякон Кураев, выступая в теледебатах, назвал его «культурологической экскурсией» по благоухающим садам православной культуры¹. При этом он не скрывал миссионерской интенции школьного курса «Основ православной культуры». На заданный ему вопрос, сможет ли он при преподавании этой дисциплины, видя перед собой учеников из мусульманских семей, удержаться на нейтральной позиции и не оказать им помощи в обретении христианского спасения, он с подлинно миссионерским энтузиазмом ответил: «Нет, не удержусь!»

Таким образом, сторонники учебного курса «Основ православной культуры» не скрывают, что он имеет конфессионально-

¹ Выступление на дискуссии «Закон Божий или история религий?» в телепрограмме «Ничего личного» на канале ТВ Центр 13 сентября 2007 г.

апологетический и миссионерский характер, об этом свидетельствует и содержание подготовленных на эту тему учебников. Преподавание этого курса не может не вести к межконфессиональной напряженности и даже к конфликтам среди учащихся с разными мировоззренческими убеждениями, между преподавателями разных учебных дисциплин.

Итак, нашей светской школе навязывается принципиально чуждая ей роль проводника религиозного образования и воспитания, та роль, которая по определению принадлежит Церкви и имеющимся в её распоряжении собственным учебным заведениям. Этот захват не принадлежащих им образовательных ресурсов церковные идеологи мотивируют заботой о духовном возрождении страны, об упрочении её нравственного потенциала, о развитии и расцвете культуры. Они убеждены, что нет иных путей и средств нравственного воспитания и духовного развития индивида и общества, как только религиозно-церковных. И поэтому стремятся повернуть на этот путь светскую школу, а затем и всё российское общество, трансформировав его таким образом в «православную цивилизацию». Этот социально-религиозный проект именуют еще «воцерковлением» россиян или же «воссозданием Святой Руси», о чем писал ещё в середине прошлого века известный церковный и общественный деятель профессор богословия Антон Владимирович Карташов. Вряд ли мы ошибемся, если назовем эту идеологию и свойственную ей модель общественного устройства клерикальной? Некоторым это не нравится.

Так, митрополит Кирилл в своем выступлении при закладке православного храма в Арабских эмиратах, отвечая на обвинение академиками православной церкви в клерикализме, упрекнул их в неправильном понимании этого термина. Клерикализм, сказал владыка, - это нахождение церковных деятелей в управлении государством. У нас в стране этого нет, и Церковь к этому вовсе и не стремится.

Владыка по-своему прав, правы и академики, поскольку говорили не совсем об одном и том же. Понятие «клерикализм» шире, чем понятие «теократия», «теократическое государство», которое собственно и имел в виду митрополит. Неоднократно высказывавшееся церковными деятелями желание подчинить своему идеологическому влиянию государство и общество в целом иначе не назовешь как клерикализмом. Сегодня решение этой задачи стремятся достичь посредством введения в программы учебных заведений курса «Основы православной культуры». В четырех регионах России он уже де-факто введен в средних школах, в сорока - осуществляется подготовка к этой глобальной идеологической акции.

Если светская школа начнет превращаться в средство православно-религиозного воспитания, это определенно вызовет отрицательное отношение к ней со стороны учащихся и их родителей, придерживающихся иных религиозных воззрений или атеистического мировоззрения. В конечном счете, будет нанесен не просто большой урон светскому образованию в стране, но произойдет подрыв самих его основ, а тем самым и конституционной свободы совести. Всё это спровоцирует обратную реакцию со стороны неправославных религиозных объединений и широких слоев не религиозно настроенного населения. Отдельные свидетельства этого болезненного процесса множатся сейчас с каждым днем. Эти тенденции опрокидывают иллюзии о возможности консолидации нашего общества на основе православия, добившегося статуса государственной религии. При развитии событий по реализуемому в настоящее время сценарию перед страной маячит в перспективе размежевание общества на различные враждующие между собой конфессиональные объединения и как следствие этого духовная деградация общества из-за дискредитации светских и религиозных инстанций, призванных совместными усилиями наращивать культурный потенциал народа, а не топить его в трясине идеологических междоусобиц и распрей.

В качестве альтернативы преподавания «Основ православной культуры» в школе планируется ввести «Историю мировых религий» - сокращенный курс «Религиоведения» высшей школы. Этот проект представляется мне также весьма уязвимым для критики, прежде всего из-за ограниченного арсенала рассматриваемых религий. Разве правомерно рассказывать россиянам о буддизме и умолчать о язычестве? Оно кстати явилось исторической предпосылкой возникновения всех мировых религий. Без рассказа о славянском язычестве нельзя создать полного представления о введении христианства на Руси и понять двоеверие. Как можно обойти молчанием иудаизм и говорить о Ветхом Завете христианской Библии?

Отдельную тему учебного плана следует посвятить рассказу о новых религиозных объединениях в современной России, с которыми молодежь постоянно сталкивается, акцентировав внимание на специфике нетрадиционных религий, сект и культов. Это достаточно важный и актуальный вопрос, поскольку не прекращаются попытки в более или менее завуалированной форме внедрить новые религиозные учения в программы школ и вузов.

В отличие от школьного курса изучение религий в вузе должно стать новым этапом более глубокого их понимания благодаря рассмотрению изоморфизма и типологических особенностей религиозного соз-

нения сквозь призму его исторического генезиса. Вузовский курс не должен оставаться на уровне описательного религиоведения, тематически расширенного за счет изучения большего числа религий. В вузе основное внимание должно уделяться *проблемному анализу* религии как специфической формы духовно-практической деятельности. Предпосылкой и одновременно дополнением этого проблемного анализа служат теоретико-концептуальные наработки на философии, социологии и психологии религии. Таким образом, в высшей школе религиоведение переориентируется по содержанию и по методу изучения своего предмета, что означает существенное изменение этой дисциплины, а именно знаменует переход от описательного религиоведения к системно-аналитическому. Этот переход к религиоведению более высокого уровня можно сравнить с переходом от изучения арифметики и алгебры к постижению сложных проблем высшей математики.

Основная проблематика религиоведения в вузе:

Главная и определяющая проблема философии, социологии и культурологии религии, всего религиоведения в целом – это религии в качестве специфического социокультурного феномена, обладающего деятельной природой. Спецификой религии является особая модальность сознания и деятельности, определяемая центральным значением категории сакрального (или «священного», по терминологии развитых религий), выступающего в качестве специфического для этой формы сознания императива и ценности. Сакральное имеет смысл и функциональное значение прежде всего в рамках *бинарной оппозиции* "сакральное - профанное", т.е. при противопоставлении "священного" "мирскому". Представление об этой оппозиции является первичной смысловой и функциональной «клеточкой» всех исторических типов религии и других типов веры, а именно: магии, мантики (сакрального знания), мистики.

Следует подчеркнуть, что представление о сакральном исторически изменчиво и в своей эволюции прошло длинный и долгий путь, начиная от первобытного фетишизма и тотемизма, языческого политеизма вплоть до утонченных форм теизма и пантеизма.

Следующая по логике религиоведческая проблема имеет новационный характер, поскольку состоит в решении давно назревшей, но эксплицитно еще не сформулированной задачи объединить в единой теории понимание общих особенностей различных типов сакральной веры. Опираясь на центральную религиоведческую категорию сакрального вполне правомерно увидеть фундаментальную общность собственно религии, как формы богопочитания, с магией, мантикой (священным, за-

поведным знанием), мистикой и другими разновидностями сакральной веры.

В отличие от классического описательного религиоведения современное структурно-аналитическое религиоведение призвано не просто излагать историю развития религиозных традиций, а учитывая исторические формы сакрального, выявлять многоплановые смыслы и значения основных генетических типов религий: язычества, «религий освобождения», религий откровения и «светских» религий.

Немаловажной проблемой религиоведения является критика и преодоление редукционизма в трактовке природы и смысла религии. Он состоит в подмене специфического социокультурного содержания, строения и функционирования религии теми или иными ее компонентами: морфологическими, семантическими (особенно часто идеологическим, психологическим, когнитивным, физикалистским) и др. При этом игнорируется целостность религии как культурно-исторического явления, отдельные составляющие, или стороны религиозного сознания, трактуются в качестве единственно значимой природы религии. В редукционистских концепциях религия превращается, например, в исключительно психологическое явление, либо в идеологию, либо в информатику и становится калькой феноменов нерелигиозного сознания, лишается самостоятельного значения и своей социально-исторической сущности. Это лишает редукционистов возможности понять закономерности развития религии и особенности ее функционирования. Для них религия развивается и функционирует как идеология, психология, информационная система, но отнюдь не в своей собственной роли.

В иных случаях при редукционистской точке зрения «истинной» религией, или религией в подлинном смысле слова считается только монотеизм, подчас лишь определенной конфессии, разумеется той, к которой принадлежит автор подобной точки зрения.

Рассмотрев специфику и исторический генезис религии, что позволяет составить достаточно полное представление об этом феномене в целом, можно перейти к наиболее сложной, ключевой проблеме – к анализу социокультурных и психологических факторов возникновения и изменений религий. В последние десятилетия эта проблема приобрела особую актуальность в виду появления в массовом масштабе новых религиозных движений, сект и культов, получивших в литературе западных стран название «религиозно-мистической волны», или бума нетрадиционных религий. Особую важность представляет вопрос о факторах, которые привели к широкому распространению новых религиозных настроений в России постсоветского периода.

Следующая проблема - функционирование религии на трех разных уровнях, проблема имеющая принципиальное значение в религиоведении и весьма актуальная. Феномен личной веры – это первый, исходный уровень функционирования религии, хотя всё ещё высказываются положения в духе Уильяма Джеймса, автора известной книги «Многообразие религиозного опыта», сводившего, редуцировавшего религию к психологическому переживанию сакрального момента в жизни человека.

На втором уровне религия функционирует в форме различных сакрализованных институтов: церквей, монашеских общин, религиозных орденов, сект и культов. Здесь выстраивается в генетической последовательности типологический ряд сакральных функционеров: ведунгов, магов, шаманов и жрецов в язычестве; учителей (гуру) и наставников (мастеров сакральных практик) в религиях освобождения; священнослужителей, пророков и святых в религиях откровения.

Третий уровень функционирования религии – общественно-политическая сфера. На этом уровне религия выступает в форме клерикализма, амбивалентного по своей природе, но вполне определенного по своему значению в зависимости от того, созвучна ли его активность с интересами общества в целом, или же она мотивируется лишь собственными, подчас даже своекорыстными интересами религиозного объединения. Для советского строя, изгонявшего и изживавшего религию, клерикализм (за исключением патриотической и миротворческой активности Церкви) представлялся безнадежно реакционным и решительно отвергался. В новой России социально-политические программы Русской православной церкви и других официально признанных религиозных объединений носят позитивный, конструктивный для развития страны характер и встречают одобрение и поддержку населения. Другое дело, что есть некоторые перекосы на практике, вступающие в противоречие с конституционными приоритетами нашего светского государства и его учебных учреждений, о чем уже говорилось мною ранее.

В вузовском курсе религиоведения следует уделить большое внимание теоретическому анализу особенностям строения, функционирования и эволюции *нетрадиционных религий*, получивших широкое распространение во всем мире, в том числе и в современной России. Нетрадиционные религии уже не одно десятилетие являются предметом широких и порой острых дискуссий (даже судебных разбирательств). Тем более у студентов должна быть достоверная информация и четкие научные представления относительно этого феномена, беспокоящего нашу общественность.

Следует подчеркнуть, что в общетеоретическом плане соотношение между собой традиционных и нетрадиционных религий нельзя сводить к их дихотомическому разделению. Их соотношение многопланово и описывается по крайней мере пятью типологиями, а именно: 1) типологией отношений к господствующему социально-политическому строю или обществу в целом, 2) типологией отношений к религиозному истеблишменту («официальным религиям»), 3) типологией религиозных институтов, 4) типологией «профилей» религиозной деятельности, разделяющей религии на универсальные, проективные и утилитарные религии, 5) типологией генетических изменений религий, разделяющей их на язычество, религии освобождения, религии откровения, светские религии.

В заключение необходимо обсудить особенности религиоведения как науки. Религиоведение нашего времени не может ограничиться описательной инвентаризацией бесчисленного многообразия религий, как то было на заре исследований в этой области. Поэтому современную науку о религии правильнее называть «религиознанием». Это название адекватно отражает формирующееся сегодня новое, системно-аналитическое религиоведение, которое строится на основе своих предшественниц по генетической линии – описательного и сравнительного религиоведения.

Благодаря объективно-аналитическому подходу к своему предмету, религиоведение не является пересказом религиозных представлений, идей и учений. Эта наука изучает систему свойственных религии смыслов и значений, структур и функций, из которых складывается в конечном итоге определенная её роль в обществе.

К собственно религиоведческой проблематике примыкает ряд тем междисциплинарного содержания, знакомство с которыми также необходимо студентам ввиду важности и актуальности этих тем, первенствующих в дискуссионных обсуждениях. Это проблемы соотношения религии и науки, религии и политики, религии и морали. В этом ряду стоит и обсуждаемая сегодня тема «религия и образование». В заключение и подводя итоги сказанному необходимо отметить, какие трудности можно избежать благодаря проблемному курсу религиоведения. Проблемный подход избавляет от непреодолимых трудностей описательного религиоведения, которое не в состоянии справиться с рассмотрением безбрежного многообразия религий и проследить чрезвычайно сложную историю их развития, не имея возможности охватить во всей полноте содержание хотя бы одной развитой конфессии.

Значительно важнее отметить, что позволяет понять проблемный анализ религии в более общем плане. Он позволяет, освободившись от умозрительной аргументации, понять по результатам конкретного изучения механизмов функционирования религии, что она представляет собой не досадное заблуждение умов и деятельность обманщиков – лживых основателей трех мировых религий, как полагали антиклерикально настроенные деятели эпохи Просвещения.

Проблемный анализ религии позволяет понять, что она не исчерпывается факторами человеческой психики, сколь бы ни была значительна их роль, особенно в рамках религиозного самосознания человека.

Проблемный анализ религии позволяет понять её как специфическую разновидность человеческой деятельности, органично вплетенной в историческую ткань культуры и цивилизации. Именно поэтому столь важно её изучение. По той же самой причине общество весьма заинтересовано относится к религии и её активности в общем балансе условий и факторов человеческого существования, рассчитывая на её весомый вклад в укрепление и совершенствование взаимоотношений между людьми, ориентируя их на высшие духовные приоритеты.

Именно поэтому мы собрались сегодня здесь и говорим об изучении социокультурного феномена религии в высшей школе.

Г. А. Новичкова

ПРОБЛЕМА ВОСПИТАНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ В ТРАКТОВКЕ К. ЯСПЕРСА

Карл Ясперс – видный представитель экзистенциализма внес огромный вклад в разработку философии существования. В известной книге «Духовная ситуация времени» (1931) Ясперс затрагивает широкий круг философских проблем и размышляет о человеке, его месте в мире, о внутреннем и сокровенном в человеке, т.е. о его экзистенции о деструктивной энергии масс, о политической некомпетенции лидеров. В книге дается характеристика социологии, психологии, антропологии и других наук о человеке. Ясперс, как широко мыслящего философа, волновал вопрос о современной ситуации, сложившейся в мире. Так как мир не окончательно таков, как он есть, человек надеется обрести покой уже не в трансцендентности, а в мире, который он может изменить, сделать его наилучшим, вера в возможность достигнуть совершенства на земле. Но реальный мир противоречив и очень сложен. Как человеку

удается применить или приспособиться к сложившейся реальности? Как выйти человеку из сложившегося положения и возвыситься над ним? Это и есть основные вопросы современной философии. В сложившейся современной ситуации Ясперс определяет человека следующим образом: «Человек – существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть. Уверенный в своих силах, он исследует окружающий его мир и меняет его по определенному плану. Он вырвался из природного процесса, который всегда остается лишь неосознанным повторением неизменного, он существо, которое не может быть полностью познано как бытие, но еще свободно решает, что он есть; человек – это дух, ситуация подлинного человека – его духовная ситуация. Тот, кто хочет уяснить эту ситуацию как ситуацию современную, задает вопрос: как до сих пор воспринималась ситуация человека? Как возникла современная ситуация? Что означает вообще «ситуация»? В каких аспектах она проявляется? Какой ответ дается сегодня на вопрос о человеческом бытии? Какая будущность ждет человека?»²). Ответы на эти вопросы даются Ясперсом в его концепции человека, изложенной в книге «Духовная ситуация времени». По мнению Ясперса, никогда нельзя подвести окончательный итог в полностью понять как человека вообще, так и отдельного человека. «Он остается величайшей тайной для самого себя, ощущая, что в его конечности его возможности как будто начинают простираться в бесконечность»³).

Размышляя о человеке, его месте в мире Ясперс не мог не коснуться наиболее актуальных вопросов современной ситуации, связанных с воспитанием и образованием человека. В «Духовной ситуации времени» Ясперс пишет, что формирование и становление человека происходит не только благодаря биологическому наследованию, но главным образом благодаря традиции и накопленному человечеством историческому опыту в области человеческих знаний. Без опоры на исторические традиции не может возникнуть фундаментальное воспитание и образование. Эти традиции действуют в историческом мире, в котором рождаются, вырастают и формируются индивиды «посредством планомерного воспитания родителями и школой, посредством свободно используемыми учреждениями, и, наконец, все что человек слышит и узнает в течение своей жизни входит в него и становится его образованностью, как бы второй его натурой.

Согласно Ясперсу, образование как мощная сила в воспитании, делает индивида посредством его бытия соучастником в знании целого.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 289-290

³ Там же. С. 443

Индивид вступает в мир с узкопространственным видением мира, и этот мир его обогащает. Человек тем решительнее может стать самим собой, чем яснее и направленнее мир, с которым его собственная действительность составляет единство. Ясперс считает, что в воспитании и образовании нового поколения должна существовать преемственность эпох и поколений, их духовное проникновение и взаимообогащение друг друга. Если существует связь настоящего с прошлым, то субстанция целого (если под целым понимать весь мир) присутствует, то воспитание и образование наполняется содержанием, подпитанным настоящим. Это содержание, пишет Ясперс означает строгую серьезность, с которой новое поколение каждый раз втягивается в дух целого как образованность, исходя из которой живут, трудятся и действуют люди. Но невозможно, с точки зрения Ясперса, сформировать духовно богатую личность, отвергающую весь духовный потенциал прошлого. Если такое происходит и «субстанция целого стала вызывать сомнение и находится в состоянии распада, воспитание и образование становятся неуверенными и раздробленными. Они уже не приводят к величию всеохватывающего целого, а служат разнообразному опосредованию»⁴). При этом личная деятельность учителя выступает на первый план, подчеркивается и вместе с тем теряет свое значение, поскольку она не опирается на целое. Предпринимаются различные попытки, чередуются рассчитанные на короткое время содержания, цели и методы воспитания и образования.

Настоящая сложившаяся ситуация в мире вызывает у Ясперса большое беспокойство, так как не все в мире благополучно и своими безумными поступками народ погружается в бездну и чтобы удержаться от падения люди понимают, что все зависит от того, каким будет грядущее поколение. «Известно, - пишет Ясперс, - что воспитание и образование определяет будущее человеческое бытие, упадок воспитания и образования был бы упадком человека. И воспитание и образование приходит в упадок, если исторически воспринятая субстанция распадается в людях, которые в своей зрелости несут за нее ответственность. Забота об этой субстанции становится сознанием опасности ее абсолютной утраты. Воспитание и образование не будут также эффективными, если историческая традиция находится вне времени и делается опора на обучение техническому знанию, опирающемуся только на существующий мир без опоры на достижения прошлого. Фундаментальная значимость гуманистического воспитания (под понятием гуманистическое воспитание Ясперс понимает такое воспитание, которое опи-

⁴ Там же. С. 353

рается на исторические знания, выработанные прошлыми веками), по Ясперсу, выступает одним из важнейших источников формирования молодежи. Поэтому, как уже подчеркивалось, эффективным может быть только воспитание и образование, опирающиеся на исторические традиции. И поскольку будущий потенциал общества – это молодежь, то философ считает, что от того как она будет сформирована, воспитана и образована, будет зависеть будущее развитие общества. «Каждый знает – кто завоеует молодежь, обладает будущим»⁵).

Немецкий мыслитель дает характеристику молодежи в период главенства духа целого (под целым Ясперс понимает связь поколений). Здесь воспитание носит субстанциональный характер, где учитывается главенство времен и поколений. Молодежь сама по себе незрела, она почитает взрослых, слушается их, доверяет им и реализует свой потенциал только в будущем. В условиях распада общества, когда не признается связь времен, молодежь обретает ценность сама по себе. Она может являться восполнением потерянного в обществе. Она может чувствовать себя истоком. Ей доверяют самоуправление в школе. Она даже вынуждена выполнять те обязанности, которые ей не под силу, например, взрослые растрачивают духовное богатство, а молодежи предоставляют возможность его завоевать вновь. «Молодежь, - пишет Ясперс, - обретает фальшивый вес и вынуждена оказаться несостоятельной, ибо становление человека возможно только если он растет на протяжении десятилетий и в строгости формируется посредством последовательности шагов»⁶).

Если после такого воспитания и образования, игнорирующего субстанцию целого, находящегося в состоянии распада, взрослый человек уже не вписывается в мир и осознает себя никчемным, то тогда неизбежным признаком времени становится требование образования для взрослых. Если раньше, что касается взрослых, проблемой была возможность популяризации образования среди них, то сейчас возникает вопрос, как у истоков существования создать в обществе рабочих, служащих, крестьян новую образованность. Почему Ясперс придает большое значение образованию взрослых? Да потому что взрослые тоже члены общества и от их потенциальных знаний, и от их воспитания и образования зависит успешное или менее успешное развитие общества. Взрослые также в своем формировании и становлении не ограничиваются периодом обучения и воспитания в школе или институте, а продолжают обучаться на протяжении всей своей жизни, В течение жизни

⁵ Там же. С. 353

⁶ Там же. С. 353

они не только должны научиться ориентироваться в окружающей их действительности и быть профессионалами в своей профессиональной деятельности, но и принадлежать сообществу, которое сближает человека с человеком как таковым, в результате чего должен возникнуть обновленный народ. Но, как пишет Ясперс, «если народа, к которому индивид ощущает безусловную принадлежность, больше не будет – или если этот народ будет существовать только в виде руин, если все станет массой в неодолимом процессе распада, то становление нового народа превращается в утопическое содержание романтического устремления. Но импульс сохраняет свое право. В настоящее время существует только товарищество друзей, физиогномически зримая действительность отдельных индивидов, воля к коммуникации с чужими, первоначально иначе настроенными людьми. Поэтому образование взрослых, в том числе, как оно понимается сегодня, не есть действительность, а требование вследствие потерянности человека в разрушенном образовании в нашу эпоху, человека, воспитание которого оказалось несостоятельным»⁷).

Почему воспитание и образование оказалось несостоятельным на сегодняшний день, несмотря на то, что государство выступает не только гарантом любой формы массового порядка, но и гарантом и формой воспитания народа. Оно направляет все усилия на то, чтобы воспитание и образование были состоятельными, ибо состоятельное воспитание и образование укрепляет государство. Государство, которое само является формой воспитания и образования всех людей в обществе, прежде всего, заботится о воспитании и образовании подрастающего поколения. Ибо благодаря воспитанию и образованию, и государство это понимает, формируются люди, которые впоследствии будут его опорой. Ответ немецкого мыслителя достаточно прост. Ясперс считает, что государство имеет две крайние возможности в воспитании и образовании людей, которые не являются идеальными и совершенными и не способствуют тому, чтобы воспитание и образование были лучше, чем они есть. Первая крайняя возможность воспитания и образования заключается в том, что либо государство предоставляет полную свободу в деле воспитания и образования под действием масс. Оно уступает им в борьбе за демократическое воспитание, устанавливает аристократическую форму воспитания. Государство господствует без единства в деле воспитания и образования людей, благодаря своей персональной политике, которая ведет к распространению преподавательских должностей между государст-

⁷ Там же. С. 354

венными партиями. Допускается разнообразие учебных планов и даже их раздробленность, но это должно быть санкционировано или утверждено какой-либо политической группой, обладающей властью.

Какая же обстановка царит в школе, опекаемой государством? Деятельность учителей становится противоречивой, они не понимают друг друга и подчиняются механически учебным планам в школах, где отсутствует дух подлинной общности учителей. В школах дети не получают истинных, глубоких, благородных впечатлений, которые, поразив детское сознание в хорошем смысле их значения, могут определить всю их жизнь. Высокие требования, предъявляемые к обучению, мобилизуют все умственные и физические силы ребенка, не оставляя возможности для формирования их сущности. Ясперс пишет, что в школе настаивают «на индивидуальности более, чем следует, и все-таки не могут достигнуть того, что нелепо превращать в цель волевой направленности, - формирование личности. Вследствие того, что ребенка дергают в разные стороны, он обнаруживает лишь обломком традиции, но не мир, в котором он мог бы с доверием вступить»⁸).

Вторая крайняя возможность воспитания и образования состоит в том, что лишь государство обладает воспитанием и образованием, незаметно и насильственно формируя его в своих целях. При таком условии возникает единообразное воспитание и образование, которые подавляют духовную свободу человека. Такая постановка вопроса, где парализуется духовная свобода, свойственна тоталитарным режимам, где основные убеждения облекаются в форму догм и предписаний и становятся основополагающими в жизни людей. Чтобы этого не произошло, чтобы человек не был марионеткой в руках государства, чтобы воспитание и образование формировали не послушных воле властей людей, а вновь стало тем, чем оно было в свои лучшие времена, надо исходить из веры. Под лучшим временем Ясперс понимает возможность стать в историческом непрерывном развитии «человеком в самобытии». Это означает «необходимо исходить из веры, косвенно опосредствующей в строгости обучения и упражнения духовное содержание»⁹).

Для этого, как считает Ясперс, нет рецепта. «Государственная власть не может здесь ничего создать: она может только защитить или разрушить. Когда, взирая на будущее, осознается целое, это выдвигает свое требование духовная ситуация. Оно может быть выполнено в том случае, если в противовес массовым оценкам утвердится различие между учением и дисциплиной, между тем, что понятно всем, и тем, что че-

⁸ Там же. С. 354-355

⁹ Там же. С. 356

ловек достигает посредством дисциплины внутренних действий в силу избранной элитарности.

Воспитание и образование зависят от изначальной жизни духовного мира каждого человека. Воспитание и обучение, разъясняет Ясперс, не могут пребывать сами по себе; они служат традиции этой жизни, которая непосредственно выступает в поведении человека, является его ставшим сознательным отношением к действительности обеспечения существования и к государству и возвышается в присвоении созданных духовных творений. Судьба духа в нашу эпоху должна определить содержание еще возможного воспитания»¹⁰).

Итак, Ясперс выражает гуманистическую позицию в понимании воспитательного процесса, намечая соответствующую программу воспитания и обучения молодого поколения, ориентированную на совершенствование общества и рассчитанную на активизацию молодежи в решении задач, ставших перед обществом.

Ни у кого нет сомнения в том, что воспитание и образование – двигатели прогресса общества и от того, насколько образовано общество, можно судить о состоянии развития самого общества. Ясперс в своем творчестве не обошел стороной вопрос о состоянии образования и образованности в социуме. Как считает Ясперс, в образовании как форме жизни его стержень – дисциплина в качестве умения мыслить, среда – образованность в качестве знаний. Его материалом является созерцание образов прошлого, познание как необходимо значимые воззрения, знание вещей и владение языком. Исследуя тему образования в своем творчестве, Ясперс выделяет из общего образования гуманистическое и нивелированное. Он полагает, что на Западе образованность широких слоев в отличие от массы осуществлялась только благодаря гуманистическим знаниям. Под гуманистическим знанием Ясперс понимает изучение греческого и латинского языков, чтение произведений философов и историков античного мира, усвоение математики, изучение Библии и знакомство с великими поэтами своей нации. Тот, кто осваивает такое гуманистическое знание, тот наполняется таким духовным содержанием, которое делает все остальное знание доступным для духовного постижения. Не всем подвластно такое гуманистическое образование, как отмечает Ясперс. Оно скорее образование единичного человека, который во время становления своего бытия или самобытия пропитывается средой Античности, Средневековья, Возрождения, живет в ней, погружается в нее, облагораживается ею, взволнован ею. Это погружение

¹⁰ Там же. С. 356

можно назвать воспитанием и образованием, которое обладает тем чудесным свойством, что и преображает человека. Эта позиция представляется достаточно своеобразной и вряд ли во всем бесспорной. Данное замечание прежде всего относится к роли математики в воспитании.

Ясперс задается вопросом, почему же именно путь гуманистического образования имеет такое преимущество? Ответ может быть дан только исторически. Так, античность дала фактическое обоснование тому, чем мы можем быть как люди. Все великие взлеты человеческого ума происходили благодаря соприкосновению с античностью. И те народы, которые забыли об античности, погружались в варварство. Античность – наша опора в становлении и формировании человека, связь с ней должна быть постоянной, направленной на духовное обогащение человека. «Античность, пишет Ясперс, - наша почва, хотя она постоянно меняется, и лишь во вторую очередь и без автономной силы образования она – прошлое своего народа»¹¹) Несмотря на тот факт, что гуманистическое образование приносит ощутимые, плодотворные результаты в области образования, число людей для которых оно было бы значимым и определяющим, становится все меньше и меньше, констатирует Ясперс.

Нивелирующий массовый порядок в обществе рождает и нивелированное образование. Современная ситуация требует создания и формирования усредненного или среднего по своим образовательным данным и образу жизни человека. Общество, считает Ясперс, находится на такой стадии развития, когда духовность гибнет, рассеиваясь в массе, так как рационализация рассудка, доведенная до крайности, привносит в каждую область знания процесс обеднения. С распространением нивелированного образования постепенно исчезает тот образовательный слой, который на основе постоянного вдумчивого гуманистического обучения, приобрел умение мыслить под влиянием изучаемых духовных творений прошлого и настоящего. Сказанное представляется достаточно принципиальным и имеет серьезное эвристическое значение. Указанный Ясперсом путь не может быть быстрым. Это упорный и кропотливый путь для обучаемого, который живет жизнью целого. А человек массы, сформированный нивелированным массовым порядком, не тратит усилий на усвоение духовных творений, он не живет жизнью целого, он не тратит свои усилия впустую, если они не приносят ему материальной пользы, он хочет получить результат от удовольствий сразу же: духовное для него – сиюминутное удовольствие. И так как человек мас-

¹¹ Там же. С. 356

сы не углубляется в постижение духовного, которое требует много времени на усвоение и упорного усвоения ума, он вместо книги читает газету, так как она сообщает ему то, что массы хотят знать сегодня. Поэтому подлинное чтение с духовным погружением в ее содержание становится невостребованным большинством общества.

В современном обществе в большинстве случаев человеческие отношения сводятся к пользе. Если человек полезен или выгоден, с ним можно дружить, если нет, то он не становится объектом общения. Люди в сложившейся жизненной ситуации уже пресыщаются тем, что слышат, им хочется слышать что-то новое. Новизна, граничащая с сенсацией, привлекает их все больше. В связи с тем, что наступила эпоха, формирующаяся как новый мир, люди дают новое название тому, что считают значимым в их жизни: новое мышление, новая культура, новый образ жизни.

Кто же считается в этом обществе образованным человеком. Тот, кто интересен в своих знаниях, кто удивляет или даже раздражает в хорошем смысле слова. Раздражение пропадает, как только человек больше не удивляет. Форма образованности реализуется дискуссией. По большому счету образованность не должна выступать удовольствием в этих трех аспектах – интерес, раздражение, удивление, а должна передавать опыт и знания дискутирующим группам.

В нивелированном образовании массовое распространение знаний ведет к тому, что наш разговорный язык обедняется, засоряется ненужными словами и фразами. Многие люди, стремясь показать свою эрудированность говорят без умолку, но при этом ничего не имеют в виду, их речь расплывчата и поэтому не имеет смысла. В их речи присутствует неопределенность смысла слов, которая делает реальное ее понимание невозможным. В результате в этом случае за словами исчезает смысл слов. Таким образом, по Ясперсу, проявление образованности выступает здесь в двух моментах: либо расплывчатые высказывания любыми словами, либо разговорчивость как манера речи.

Ясперс отмечает, что наряду с негативными явлениями в образовании обнаруживаются пути к его подъему. Это подъем осуществляет профессиональное знание, которое подразумевает специализацию, ставшую само собой разумеющейся. Но это знание, как полагает Ясперс, «разбросано: отдельный человек может выполнить лишь отдельные функции, и это умение часто подобно ограниченной сфере, которой

только он обладает, но не приводит к единству со своей сущностью и с целостностью образовательного сознания»¹²).

Современная ситуация в мире подтверждает, как считает Ясперс, что происходит процесс технизации планеты, который силой своей мощи сводит содержание духовной деятельности индивида к техническим навыкам и умениям. Создается мир технической рациональности. Все в обществе подчинено развитию техники. Но техника обедняет человека в духовном плане. Почему развитие техники выдвигается в обществе на первый план? Потому, что власть предержащие понимают мысль о том, что государство, которое более развито технически, становится лидером на политической арене, что в современной ситуации очень важно. Тем странам, которые отстают в техническом развитии, надлежит либо преобразовать свои социальные условия, либо погибнуть. Это касается Индии и стран Восточной Азии.

Обращение к технизации приводит к тому, что духовное образование теряет свою первостепенность, духовность, наработанную духовными источниками прошлого, уничтожается при технизации. Создается впечатление, что мир строится, как бы заново, не взирая на прошлое. Поэтому духовная ситуация, по Ясперсу, может быть сохранена в этом технизированном мире или «в этом преобразовании только посредством исторического воспоминания, которое в качестве такового есть не просто знание о прошлом, а сила в настоящем. Без него человек стал бы варваром. Радикальность кризиса нашей эпохи бледнеет перед вечной субстанцией, часть бытия которой, бессмертного, способного всегда быть, составляет воспоминание»¹³). И далее Ясперс продолжает свою мысль, идя по пути, который позволяет четко выразить смысл его высказывания: «воспоминание просто как знание о прошлом лишь собирает бесконечные антикварные сведения: воспоминание как понимающее созерцание воспроизводит картины и образы как необязательное противостояние: лишь воспоминание как усвоение создает действительность самобытия человека в настоящем: сначала в почтении, затем в масштабе его собственного чувствования и деятельности и, наконец, в участии в вечном бытии. Проблема характера воспоминания – это проблема еще возможного теперь образования»¹⁴).

Связь настоящего с прошлым должна препятствовать наступлению, как уже отмечалось, нового варварства в мире. О прошлом, которое вписывается в контекст целого, несмотря на то, что оно разрушает-

¹² Там же

¹³ Там же. С. 359

¹⁴ Там же. С. 360-361

ся, т.е. о нем забывают, в настоящем напоминают разбросанные повсюду институты, которые сохраняют возможность исторического континуума. Музей, библиотеки, архивы признаны сохранять творение прошлого, так как духовные богатства прошлого незаменимы по своему значению, хотя содержание их в настоящий момент может быть еще не осознано. Все сходится во мнении о том, что исторические ценности следует хранить и они должны пользоваться защитой и уходом. Такое мнение в настоящее время становится единодушным и само собой разумеющимся. Связь времен не прекращается благодаря людской памяти и воспоминанию людей отмечать исторические даты возникновения государства, городов, годы рождения и смерти знаменитых людей. «Воспоминание, как метко заметил Ясперс, служит симптомом воли к сохранению»¹⁵). Сохраняя прошлое, мы сохраняем себя как человеческий вид на земле.

Прошлое по образному выражению Ясперса – это мостик к пониманию настоящего, а настоящее – трамплин к созданию будущего. В своем континууме они создают единое целое – весь мир. Прошлое живет в нас как элемент содержания образования. Образованность достигается тем, что человек, усваивая духовное наследие прошлых веков, шлифует, изменяет, преображает свою сущность и становится не только сам собой, но облагороженным, более мудрым, умным, совершенным, кем он не был до соприкосновения с духовным наследием прошлого. О влиянии творений прошлого в жизни человека Ясперс высказывает следующее суждение: «Историческое усваивается не только как знание чего-то: не как лучшее, которое может быть восстановлено, поскольку оно не должно умереть, Усвоение состоит только в преобразующем прошлом возрождении человеческого бытия посредством вступления в духовную сферу, в которой я, исходя из собственных источников, становлюсь самим собой. Образование как усвоение прошлого служит тому, чтобы уничтожить настоящее как неполноценное, чтобы подло бежать от него, но потому, чтобы, взирая на вершины, не утратить то, что на пути к высотам доступной мне действительности могу искать в настоящем»¹⁶.

Сегодняшнюю ситуацию, сложившуюся в мире, Ясперс характеризует как угрозу разрыва в истории и чтобы этот разрыв не произошел, необходимо, чтобы воспоминания о прошлом присутствовали в жизни человека, ибо уничтожив их, человек уничтожил бы и себя. Но, как спрашивает Ясперс, экзистенция человека, живущего в век технизации,

¹⁵ Там же. С. 359

¹⁶ Там же. С. 361

использует свои воспоминания о прошлом, обнаруживая себя в нем. Ясперс пишет, что образование в качестве знания и понимания могло привести к романтическому желанию восстановить то, что возвращено быть не может. Поскольку возврат прошлого неосуществим, то в технизированном обществе будет главенствовать расчетливость жизненной позиции, ищущей в исторически усвоенном лишь то, что необходимо для ее деятельности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что мысли немецкого философа о воспитании и образовании имеют серьезное актуальное значение для настоящего времени и должны быть внимательно осознаны в целях создания лучшего общества, справедливых общественных отношений и формирования совершенного человека. Также подлежит бесспорному одобрению идея Ясперса о том, что воспитание и образование подрастающего поколения будут более успешными и эффективными, если мы в формировании молодежи будем опираться на гуманистическое знание, выработанное учеными прошлого столетия, и направленное на развитие духовно богатой личности, черпающей свою духовность из духовно нравственного наследия ученых, живших в значимые периоды времени для истории человечества.

Литература:

1. Кант И. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., 1994
2. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М., 2004
3. Гуревич П.С. Философия человека. М., Ч.1. 2001
4. Касьян А.А. Контекст образования. Нижний Новгород, 1996
5. Гусева Н.В. Культура, цивилизация, образование. М., 1992
6. Пишулин Н.П. Философские основы образования. М., 2004

В. К. Самохвалова

ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Жуткий случай произошел недавно в Москве. Две школьницы затащили на чердак свою подругу, связали и ушли. Жертву отыскивали уже окоченевшей. Отец погибшей, узнав подробности трагедии, позвонил в дверь квартиры, где жила одна из виновниц, вызвал ее и убил на месте.

Это событие можно оценивать в разных аспектах. Во-первых, в юридическом: имеет ли право любой человек, в первую очередь пострадавший, брать на себя функции закона?. Во-вторых, в социологиче-

ском: в любом обществе можно отыскать события такого рода, а иногда даже в виде обычая кровной мести. В-третьих, в психологическом – какие терзания может испытывать отец жертвы или родители убитой девочки, проклиная все случившееся. И, наконец, в нравственном – допустимо ли оценивать жизнь как копейку, прибегая к высшей каре?

Соседи долго обсуждали происшествие. Где предел, за которым человек должен остановиться, одуматься? Мнения, понятно, не во всем совпадали. Но многие настаивали на том, что отец прав. Здесь мы сталкиваемся с новой сферой общественной жизни – с регулированием поступков, отношений с другими людьми.

Если человек, обороняясь, нанес преступнику урон или случайно убил его, общество не может карать обороняющегося как злонамеренного душегуба. Но в условиях, когда правоохранительные органы бездействуют, а христианская мораль вытравлена, сколь соблазнительной выглядит идея самосуда! (Вспомним хотя бы фильм «Ворошиловский стрелок»). Меня хотели убить, но опередил злоумышленник. Он преступил дозволенные пределы – преступлю и я. Люди другого племени хотят искоренить меня – не стану медлить с упреждающим кровопролитием. Знакомый сценарий? Однако бережным отношением к жизни, к стабильному порядку здесь и не пахнет.

Разве нельзя построить человеческую жизнь по нравственным законам? Неужели великие моральные заповеди существуют только как красивые речения, а на деле человечество не может жить без убийств, кровопролития, греха? Тогда логично отречься от одухотворяющих истин, от нравственных предписаний. Живите, люди, как умеете...

Убивайте, воруйте, вязните в грехе... Но разве это не путь к самоубийству? Стоит только провозгласить – «убий!», и человечество кончит свое существование в крови.

Есть на чем поразмыслить – не так ли? Впрочем, мы не первые. Люди давно задумались над этими вопросами. Читаем у Соломона Мудрого, царя Израиля и Иудеи: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их - путь к смерти». Свобода ставит каждого из нас перед выбором, потому что основана на нравственном законе, а не игре страстей...

Сначала в человеческом сознании возникло представление о том, что заслуживает одобрения, а что - порицания. *Норма* (от лат. *norma* – правило, образец) – предписание, образец поведения или действия, мера заключения о чем-либо и мера оценки. Норма и закон – это не одно и то же. Норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях. Закон более конкретен. Он говорит лишь

о существующем и происходящем. Это предписание относительно того, как должен вести себя человек в обществе, которое уже имеет конкретное законодательство.

Отец девочки, который расправился с ее убийцей, может быть осужден с точки зрения нормы. Мы говорим о том, что убийство – это всегда грех, преступление против жизни. Но это человека можно судить и по закону. В этом случае судьи примут во внимание состояние отца, его горе, его трагедию. Они определяют меру наказания не по совести только, а по закону, который позволяет конкретно разобрать мотивы преступления, обстоятельства и его следствия.

Маленькая трагедия Пушкина «Каменный гость» завершается горьким возгласом: «Ужасный век, ужасные сердца!». И в самом деле, есть от чего содрогнуться. Сын поднимает руку на отца. Угодничество заглядывает в чужие очи, вычитывая в них безжалостную волю. Люди готовы служить богатства, «как алжирский раб, как пес цепной». Страшное, не ведающее милосердия корыстолюбие. Сердце, обросшее мохом. Распад человеческого достоинства.

Какой же век оказался ужасным? Тот средневековый, с турнирами? Или последующий, вписавший в историю жуткие страницы первоначального накопления? А истребление целых народов – негров, индейцев, арабов, сопутствующее эпохе колонизации. А может быть, «ужасные сердца» - это про минувший век? Ведь это люди XX столетия, взметнули к небу грибовидное облако. Они довели исстрадавшуюся природу до кровотокащих ран. Это нам в глаза смотрим обнаженная женщина из документального фильма Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» о зверствах нацистов. Святая прошлого столетия, она прикрывает груди руками перед мигмом казни.

А что если это про нас, людей начавшегося тысячелетия? Уже появилась книга американских социологов Элвина и Хейди Тоффлеров «Война и антивоина». На протяжении истории войны постоянно сопровождали человечество. Ратники, витязи, рыцари, стрельцы, янычары, генералы и «простые солдаты» шествуют военным парадом перед нами. Не откажется человечество от истребительной бойни вообще? Такой вопрос, по существу, не обсуждается. Речь в книге идет только о том, что надо учесть новые реальности и воевать с использованием ультрасовременных военных и идеологических средств. Не следует морализировать по поводу войны. Кому нужна эта гуманистическая риторика. Давайте поближе познакомимся с новейшими военными доктринами, «индустрией истребления», возможностями опережения противника.

Но в книге можно усмотреть еще один парадокс. Написанная с радикальных и современных позиций, она стремительно отстает от реальной жизни. Рассказывая о древних попытках людей оградить детей от войны, они еще не знают, что в Беслане террористы станут расстреливать бегущих детей. Устрашая нас боснийским мальчиком, которому взрывом оторвало пол-лица, авторы вряд ли могли предположить, что заложники в школе получают массовые увечья. А у входа в школу еще долго будут стоять откупоренные бутылки с водой, напоминая об адских мучениях.

Неужели мы отступили от вековых святынь? Может быть, представления о нравственности и ее значимости надо восстанавливать медленно, кропотливо. С той же въедливостью, с какой писал об окружении С. Маршак:

Вот это стол. На нем едят.

Вот это стул. На нем сидят.

Не случайно один из современных публицистов пишет о том, что надо обучать людей морали с азов. Может быть, следует говорить им: «Это мама. Ее надо любить», «Это собака. Ее нельзя мучить», «А это человеческая жизнь, она бесценна».

В июле 1999 года два доктора физико-математических наук объявили в «Независимой газете», что науку движет эксперимент, а не моральное предписание. Если нет возможности измерить, просчитать, разглядеть, то нечего и теоретизировать. Научная методология, утверждали авторы, основана на проверках и перепроверках результатов, тщательном анализе условий и постановки экспериментов. Все это отшлифовало научный подход и превратило физику и другие «точные» науки в универсальный инструмент познания мира.

Авторы вразумляют: научное высказывание любого физика проходит многократную проверку... А философы (во главе с Сократом) способны только задержать развитие науки. «Древние греки, — пишут авторы, много внимания посвятившие философии, — всегда начинали с ответа на вопрос «а что это такое?». Они не позволяли себе сделать следующий шаг, пока не будет определен предмет исследования. Поэтому они успешно занимались геометрией и математикой, но на много сотен лет затормозили развитие физики. У них были гениальные догадки, но они могли бы продвинуться значительно дальше, если бы не ложная методологическая установка — философия впереди физики».

Бедные, наивные греки! Вместо того чтобы измерять массу и заряд, они мучительно размышляли над тем, а что это такое? Поздно, поздно, оказывается, спохватились эллины. Если бы древние греки, ос-

тавив свою любовь к мудрости, собирали минералы, дробя, разогревая или охлаждая их, если бы они занимались только опытами, наука как специфическая форма постижения реальности вообще не появилась бы.

В мифологическом мышлении пространство и время никогда не рассматриваются как чистые и пустые формы. Потребовалась огромная сила умозрения, чтобы Вселенная оказалась схваченной единым взглядом, чтобы родилось теоретическое представление о времени и пространстве, на котором зиждется физика. Ничто в мире, согласно Гераклиту, не может превысить своей меры, а мера эта — пространственные и временные ограничения. Опытные знания накапливались во многих древних культурах, в том числе и восточных. Но наука как феномен возникла лишь в строго определенной точке культурного поля. Именно там, где обнаружили беспокойство духа, универсальное умозрение.

Древним людям предстояло выработать представление о пространстве. В условиях жизни первобытного общества мы вряд ли сможем обнаружить какие-либо следы абстрактного пространства. Пространство первобытного человека — это пространство действия; а действие концентрируется вокруг его непосредственных практических потребностей и интересов. «С точки зрения первобытной культуры, — писал философ Э. Кассирер, — и в самом деле кажется неразрешимой задача сделать тот решающий шаг, который только и может привести нас от пространства действия к теоретическому, или научному, помимо пространства — к пространству геометрии. В нем исчезают все конкретные различия нашего непосредственного чувственного опыта».

Прежде чем приступить к опытной экспертизе, древние греки должны были вооружиться некоей догадкой. Не так ли в голове Демокрита появилась идея о том, что, вероятно, все многообразные предметы окружающего мира состоят из мельчайших неделимых частиц? Эта интуиция как раз и дала исток химии и физики. Поиск «кирпичиков» мироздания и открыл возможности для разносторонних экспериментов.

Все это вовсе не означает, что у древних греков, как сообщают нам авторы, была ложная методологическая установка — философия впереди физики. Напомним ученым мужам, что философия, она же, по определению учеников Аристотеля, «метафизика», это как раз то, что «после физики». Античная философия дала человечеству не просто ряд «гениальных догадок». Она нарисовала общий план мироздания, наметила пути его постижения, разработала общие и частные категории, которые позволили науке сделать колоссальный рывок в познании универсума. Например, философия отличный от науки способ мышления, погружения в тайны мира. Человек философствует, потому что он зача-

рован этой страстью. В ней он выражает самого себя. Человек делает это для собственного удовольствия, для самовыражения, ибо он рожден философом.

Но главное - его мучают нравственные вопросы. За движением звезд угадывается какая-то божественная установка. Поступок человека вызван его пониманием глубинных связей между людьми. Сократ просил своих друзей привести примеры мужества, чтобы выяснить, что это такое. К примеру, герои долго защищают осажденную крепость, чтобы она не досталась врагу. Разве это не мужество? Нет, — возражает Сократ. Подвиг, конечно, добрый поступок. Но ведь мы не знаем, что переживают защитники крепости. Может быть, они стоят у стен крепости, пребывают в панике. А ведь мужество — это, прежде всего, состояние духа. А те, кто определяет мужество через стойкость, ничего не говорят нам о переживаниях героев. Они стоят на смерть, но по какой причине? Что ими движет?

Может быть, точнее определить мужество через мудрость? Нет, отвечал Сократ, мудрость — это знание опасного. А мужество проявляется в поступке, а не в знании.

Возьмем такой пример. Солдат бросился навстречу опасности и, рискуя жизнью, совершил подвиг. Но нам небезразлично, каковы были мотивы его поступка. Возможно, это честолюбивый человек. Он бросился в атаку, чтобы привлечь внимание к своему героизму. А может быть, он и вовсе не осознавал опасности. Бросился, даже не понимая угрозы для жизни. А еще возможно: солдату жизнь не дорога, и он сам ищет гибели.

Оказывается, мужество — непростое качество. Герой только тогда бесстрашен, когда он осознает опасность, имеет ясные цели, связанные вовсе не с желанием собственной гибели, а с тем, чтобы одолеть врага, спасти жизнь других солдат. Размышляя о человеке, о знании, мужестве и других его добродетелях, Сократ не хочет упрощений, поверхностных суждений. Он пытается обсудить все тонкости человеческого поведения. Конечно, это поучительный урок для нас.

Однако отчего это древние столь равнодушны к практическому знанию и столь щепетильны по отношению к знанию нравственному? Ответ ясен: они считают, что практическое знание, не выверенное моралью, оказывается бесплодным. В новых учебных стандартах постоянно повторяется фраза: «Ученик должен знать...». Но разве задача образования сводится только к тому, чтобы превратить обучаемого в «перевернутую библиотеку». Человек может стать человеком только через вос-

питание. Задача школы — шлифовать интеллект, развивать умения, пробудить нравственное чувство.

Отчего же все это подменено в современном образовании доктринальным натаскиванием, зубрежкой, нравственным безразличием? Должен ли школьник знать законы? Ну, кто же спорит? Разумеется. Однако в каких пределах? Если несовершеннолетнего мальчика милиционер пытается отвести в участок, мальчик имеет право требовать, чтобы вызвали родителей: ведь он несовершеннолетний. Но следует ли изучать правоведение в полном объеме, запоминать статьи уголовного или административного кодекса? Здесь скрыто присутствует такая мысль: чем больше будет знаний, тем меньше будет преступлений....

Но, может быть, именно правоведение призвано пробудить в школьнике нравственное чувство? Нет, эта дисциплина меньше всего подходит для этой цели. Приведу пример из личной педагогической практики. Я рассказываю студентам-юристам, как создается социологическая модель. Один из них прерывает меня: «Варвара Клементьевна, вы ведь знаете, что все это делается с обманом, подтасовывается»...

- Да, — отвечаю, — многие социологи выполняют неблагоприятный социальный заказ. Но ведь я рассказываю вам о том, что такое социология как наука, каковы ее методы. Если кто-то игнорирует их, тем хуже для таких социологов.

- Мне все равно, — возражает мне будущий юрист, — обходить ли закон или защищать его. Лишь бы больше платили.

- Вы первый станете заложником такого цинизма... Ведь если так будут думать будущие юристы, в России некому будет защищать закон. Но ведь и вы окажетесь поживой беззакония...

- Тот, кто выучил законы, еще не стал их знатоком или поборником. В нем еще нужно пробудить нравственное чувство.

Но в современных стандартах такой подход не заложен. Можно сказать: ну пусть будет хоть знающее поколение, пусть выйдут в большую жизнь не инфантильные неумехи, а люди, способные влиться в мир социума. Но так ли это? Ведь Сократ вообще мог не толковать про добродетель, а рассуждать про то, как обрабатывать листовую металл. А он изо всех сил прорывается к глубинному пониманию человеческой добродетели. Не досужее ли это дело? Опыт веков показал: нет. Писать сегодня о нравственном измерении науки — означает говорить банальности.

Этика – основа культуры. Но она является базой и для человеческого поведения. Нравственные ориентиры рожают достойную и счастливую жизнь. Еще в XIX в. психиатры обратили внимание на то, что

нравственные люди не подвержены психозам. Душевные заболевания - удел безнравственных индивидов.

Этика тесно связана с философским постижением человека. Эта мысль хорошо обоснована в работе американского психолога и моралиста Эриха Фромма (1900-1980) в его работе «Психоанализ и этика». Он показал, что источник норм нравственного поведения следует искать в самой природе человека, что моральные нормы основаны на врожденных качествах человека¹⁷. Фромм исходил из того, что именно нарушение моральных норм приводит к эмоциональному и психическому распаду. А с другой стороны, структура характер зрелой личности сама является источником добра. «Зло» же при этом можно рассматривать как равнодушие к самому себе и саморазрушение. Не самоотречение и не эгоизм, а любовь к себе, не отрицание индивидуальности, а утверждение подлинной человеческой самости – вот ценности этики.

Этику можно рассматривать «искусство жить», которое основано на философском постижении человека, его неповторимости. Удивительный факт: философы, писатели, ученые безоговорочно считают человека уникальным творением Вселенной. Еще более поразительно, что этот факт воспринимается как очевидный. Разумеется, мы готовы порассуждать о том, что в человеке особенно необыкновенно: природная плоть, разум, душа, творческий дух... Но что человек неповторим и царственен, это понятно даже всем...

Проблема представляется предельно ясной: нет на Земле существа, которое могло бы сравниться с человеком. Мы все устали повторять, что каждый человек самобытен, неповторим. Однако уникальность оказывается для нас проблематичной, как только мы сталкиваемся с нестандартным поведением. Вот и мне сказали: «Хороший ты парень, только постарайся быть как все...».

Перелистываю страницы философских сочинений. Какие безупречные комплименты делаются человеку – «венец природы», «мыслящий тростник», «человек-умелец»... Мудрецы словно состязаются в том, чтобы ухватить и выразить главенствующий штрих человеческой незаурядности.

Впрочем, нет. Вот чьи-то строчки, облитые скепсисом. Это мучается Гамлет из трагедии Шекспира. Но что он там произносит? «Какое чудо человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса

¹⁷ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1998, с. 30.

Вселенной! Венец всего живущего». Принц знает, какие низкие и подлые люди ступают по датской земле. Но человек, как ни крути, все-таки чудо...

На каком основании человек объявил себя уникальным созданием? Откуда такое высокомерие? Это он-то, явивший страшные лики безумия, растерзавший земное лоно, готовый обречь все живое на испепеление? Может быть, потому, что человек обладает даром речи, а бессловесные твари не могут рассказать о своем великолепии.

Но вот, слава Богу, отыскались строчки, продиктованные самоиронией. Повесть американского фантаста Роберта Шекли «Обмен Разумов». Помните? Человек путешествует по вселенной в чужих телесных облачениях. И вот на его жизненном пути – женщина:

«Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило на сердце). Черты лица совершенны, начиная от малых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов».

Оказывается, можно смущаться, глядя на сморщенную шишечку, и сходить с ума от высоких яйцекладов. Но ведь это совсем не про человека. Да, человек не похож на панцирную черепаху, белокрылую чайку или саблезубого тигра. Но разве каждое живое существо, украшающее планету, не отличается оригинальностью, неповторимостью природного проекта? Весь тварный мир отмечен печатью самобытности. Получается парадокс: «Самый равный среди равных...» Человек, стало быть, самый уникальный среди уникальных...

Человек как существо не имеет аналогов в природе. По мнению крупнейшего немецкого психиатра Карла Ясперса, очень сомнительно, чтобы животные были подвержены душевным заболеваниям. Человек уникален. Он привнес в мир некий элемент, чуждый животному миру. Но в чем заключается этот элемент, все еще не вполне ясно. Человек родился в природе, а живет в обществе. У него есть инстинкты, но есть и культурные нормы. Он обладает сознанием, но большинство его психических процессов таятся в бессознательном. Человек – один из видов животных, но он обладает разумом. Это необыкновенный дар. Человек может вызвать в своем воображении давно ушедшие миры, способен с предельным погружением войти в сферу собственных мыслей и критически воспринять их. Человек может рассуждать, познавать и оцени-

вать, выстраивать стройную последовательность умозаключений. В своей жизни люди не только доверяются инстинкту, но и могут поступать сознательно. Иначе говоря, сознание – это поразительная, победоносная сила человека.

Разум есть способность понимания и осмысления. Это деятельность человеческого духа, направленная на познание. С помощью разума постигается универсальная связь вещей. Возможно, именно этот благословенный дар выделяет нас из остальной природы. Поэт Игорь Шкляревский написал такие строчки:

И над натурой нашей звероликой

Всепониманье возвышает нас...

Человек отличается от животных способностью использовать тело в экспрессивных (выразительных) целях. Но разве животные не обладают грацией? Разумеется, обладают, но человек может выразить с помощью тела множества различных эмоций, особенно в танце, в мимическом действии. Человеческое тело обладает поразительной пластичностью. Его можно преобразить, пользуясь упражнениями, спортивными снарядами. Животные, в отличие от человека, не смеются и не плачут, а сообразительность обезьян – это не разум в полном смысле слова, а всего лишь высокоразвитое внимание, которое у человека служит лишь предварительным условием способности мыслить.

Способность человека повсюду ощущать свою конечную природу и его постоянная неудовлетворенность ею указывают на возможности, скрытые в его природе. Человеку знакомо глубокое удовлетворение, источником которого служит опыт постижения мира, общение с природой, познание космоса, обнаружение истинной природы вещей.

Человек – это открытая возможность. Он не завершен и не может быть завершен. Поэтому человек всегда больше того, что он осуществил и не равен тому, что он осуществил. Всякое знание о человеке – это частное знание. Оно указывает на одну из бесконечного множества проявлений «человеческого». Любое знание о человеке зыбко и неокончательно. Ни одного человека нельзя рассмотреть полностью со всех сторон. Живя в мире, человек пребывает в поиске и терпит крушения, обретая благодаря этому единство. Он осознает свое истинное начало и подлинное предназначение.

КРИЗИС ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Человек живет в мире напряженной нравственно-психологической мотивации. Он соотносит свои поступки не только с каждодневными интересами, но и с идеалом, абсолютом. Это особенно заметно в современной России, которая неожиданно столкнулась с множеством ценностных ориентаций, которые требуют неотложного выбора. Обрести богатство, но обеспечивает ли оно счастливую человеческую жизнь? Родить третьего ребенка, но во имя любви, государственной целесообразности или ради свалившегося вдруг пособия? Пойти в армию: ради того, чтобы служить отчизне или чтобы вернуться в отчий дом человеческим обрубком? Прослыть демократом, чтобы стать заложником авторитарных тенденций народовластия? Поддержать Иран в его противостоянии США или пристроиться в арьергарде международного гегемона? Быть в гуще жизни или «ощутить сиротство как блаженство»?

Все чаще в практической жизни возникают, казалось бы, лишние в житейском контексте вопросы: зачем? во имя чего? ради каких святых? Помните в фильме «Девять дней одного года» М. Рома разговор двух физиков. Один из них предлагает герою пойти к нему в институт, что повлечет за собой получение квартиры и другие блага. – А зачем? – спрашивает вдруг ученый. И собеседник отвечает обыденно и тускло:

- Жить...

Писатель Андрей Битов рассказывал о послевоенном времени, когда ощутить себя сытым, можно было только, если съешь не одну, а две тарелки супа. Тарелкой супа сегодня никого не удивишь. Но в каждодневном гоне, в житейской сутолоке все чаще у людей возникает вопрос: «ради чего?». Представьте себе, вам говорят: вон там виднеется овраг, надо во что бы то ни стало, не щадя жизни, добраться до него и там обосноваться. Но почему овраг дороже жизни? А теперь иначе: «видите те три березки, это часть русской земли, которая принадлежала нашим дедам, мы должны ценой жизни, если понадобится, отбить ее у супостата». Я изложил мысль Н. А. Бердяева, который таким образом пытался объяснить, что такое ценность в человеческом существовании и как она придает смысл любому поступку.

Человек сам определяет, что для него свято. Однако многие духовные абсолюты у людей тождественны, одинаковы. О том, что у человека могут быть безмерно дорогие жизненные установки, знали давно, но общепринятого слова, которое отражало и закрепляло бы их, не

было. Незыблемую, сокровенную ориентацию философы назвали «ценностью». Это и есть то, без чего человек не мыслит полноценной жизни. Социологи подразумевают под ценностью то, что свято для конкретного человека, для группы людей и для всего человечества.

Сами ценности родились в истории человеческого рода как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока и тяжелых жизненных испытаний. Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, придают смысл человеческой жизни.

В разных культурах мы можем обнаружить одни и те же ценности. Однако они выстраиваются в определенную иерархию. Иначе говоря, то, что в одной культуре занимает высокое положение, в другой оказывается на ином месте. Поэтому культура – это выстроенность ценностей, их своеобразное подчинение.

Марксистски ориентированная социология не учитывала этот важнейший аспект бытия. Величие К. Маркса в том, что он раскрыл роль интересов в социальной жизни. Он показал, что отдельный человек и классы в целом защищают в истории собственные потребности и мечты. Если хочешь понять смысл исторического поворота, отыщи и осознай те интересы, которыми руководствуются люди. Для определенного времени это положение было важным открытием социальной философии. Но и сегодня, прослеживая логику политической истории, мы явно видим столкновение интересов, без которого невозможно понять смысл происходящих событий. О том, что существуют иные, более глубинные мотивы человеческого поведения, К.Маркс, судя по всему, не догадывался.

Не удивительно, потому что аксиология как наука о ценностях родилась в конце XIX века, когда исследователям открылся этот новый этот новый пласт человеческого бытия. В жизни конкретного человека, как и в истории народов, мы видим многочисленные примеры, когда люди действуют не ради корысти, на ради осознанных интересов, а во имя высоких целей, одухотворяющих святынь. Святым великомученикам Борису и Глебу кричали: убейте вашего брата, который незаконно завладел тронem и теперь наверняка убьет и вас. «Нет, - отвечали братья, - если ради власти нужно пролить кровь, мы ни ступит и шагу. А если, чтобы сохранить свою жизнь, нужно занести топор, мы лучше покорно уйдем из этой жизни».

В конце второй мировой войны японский император добровольно отрекся от престола, ради спасения страны. Это был великий выбор, который принес ему известность, но лишил священной власти. А индий-

ский лидер Махатма Ганди не призвал свой народ отстаивать свои интересы с оружием в руках. Напротив, он предложил индийцам противопоставить Западу собственные традиции и святыни, чтобы сохранить свою идентичность.

История окажется весьма обедненной, огрубленной, если мы устраним этот ценностный фундамент жизни. Люди отстаивают свои интересы, реализуют собственные цели. Но порой с предельной остротой возникают перед нами смысло-жизненные вопросы: зачем мы живем, что придает нашей жизни осознанное очарование, каковы наши одухотворяющие цели? Ценности позволяют нам подняться над прозаической суетностью, над прозой жизни, над утилитарностью повседневности.

Люди по-разному относятся к жизни и даже к самой ее ценности, к труду, к преобразованию бытия как смыслу человеческого существования. Марксисты, оценивая возможный ход событий, фиксировали классовые установки, полагая, что образ жизни людей повсюду одинаков и определяется, в конечном счете, экономическим расчетом.

Процесс социальных преобразований начинается в глубинных недрах жизни. Представим себе: в традиционный быт вторгается нечто неожиданное. Допустим, в иранской семье оказывается американский журнал «Плейбой». Картинки другой жизни впечатляют, захватывают воображение. Это грозит разрушением вековых устоев. Журнал обнаружен и членов семьи расстреливают за оскорбление норм шариата. Но «проклятые картинки» по-прежнему будоражат общественное сознание. Социальные интересы пока вообще не обсуждаются, а ломка привычных представлений уже началась. Проницательный футуролог может уже рассуждать о том, что случится здесь через несколько лет.

Несколько десятилетий назад индийские власти попросили советское телевидение создать фильм о нацизме, чтобы в Индии знали, каким жестоким был этот режим. Подготовленный материал люди нашей страны, опаленные войной, не могли смотреть без дрожи и негодования. Кадры рассказывали о «фабриках смерти». Длинной чередой шли заключенные, убежденные в том, что их ведут в баню. Они оставляли одежду, переходили в другой барак, продвигались к газовый отсек, откуда их отправляли в печь. Из трубы валил густой дым...

Но в Индии этот фильм не произвел должного впечатления. Смерть человека в стране, где каждая жизнь есть лишь пролог к следующей инкарнации, не считается трагедией. Зато завораживает техника. Население страны огромно, хоронить трупы негде, а тут – на экране мощный конвейер, обеспечивающий драгоценную для плодородия золу. Гибель людей заслоняется другой темой – мечтой о техническом про-

грессе. Неужели люди Индии глухи к страданиям людей? Конечно, нет... Просто различны ценностные ориентации.

Но существуют ли общечеловеческие ценности? Неужели святыни народов столь различны, что диалог зачастую невозможен? Чем скрепляется единство человечества?

М.С. Горбачев начал перестройку с провозглашения общечеловеческих ценностей. Логика этой программы, к сожалению, базировалась на марксистском мышлении. Интересы и ценности рассматривались как синонимы. Именно поэтому идеологическая кампания в конечном счете провалилась. Противники перестройки справедливо недоумевали: как можно говорить об общечеловеческих ценностях в ситуации, когда социальные интересы становятся все более конфликтными? Ценностный аспект бытия оказался невыявленным.

Какие же святыни могут сближать людей? Допустим, ценность жизни. Ведь если нет земного существования, остальные ценности утрачивают свою непреложность. Человечество не может продлить собственное бытие, если оно перестанет воспринимать жизнь как высшую ценность. И все же, в древнеиндийской культуре, где господствовала идея многократного воскрешения души, люди часто бросались под священные колесницы или в воды Священного Ганга, чтобы завершить очередное кармическое (судьбой предназначенное) существование и вернуться на Землю в новом телесном обличье...

Во многих культурах честь ставилась выше жизни. Крупный японский писатель Юкио Мисима, Нобелевский лауреат, покончил с собой только ради того, чтобы внушить японцам, насколько они отошли от своих национальных идеалов. Несомненно, проблема жизни и смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основания бытия. Но в разных культурах она имеет различную аранжировку.

Сегодня мы толкуем о национальном проекте, призванном обеспечить рождаемость и предотвратить высокую смертность. Но сама ценность жизни при этом ускользает... Родить ребенка, но какого - болезненного, обреченного, несущего проклятие спившихся родителей. Предотвратить раннюю смерть пожилого человека, но превратить его существование в постоянную муку, обреченность, унижение. У национального проекта должны быть четко обозначены ценностные, а не прагматические параметры.

Издравле человека, который стремился обрести свободу, казнили, подвергали изощренным пыткам, предавали проклятиям. Но никакие кары и преследования не могли погасить свободолюбие. Сладкий миг свободы нередко оценивался дороже жизни... На алтарь свободы бро-

шены бесчисленные жертвы. И вдруг обнаруживается: свобода вовсе не благо, а, скорее жестокое испытание. И может быть, прав бессмертный Гёте: «Свободен только первый шаг, но мы рабы другого...»

Поразмыслим: правда ли, что свобода во все времена воспринималась как святыня? Увы, история свидетельствует и о другом. Она полна примеров добровольного закабаления, «бегства от свободы» (Э. Фромм) – красноречивых иллюстраций психологии подчинения. Не вырабатывается ли на протяжении веков инстинктивный импульс, парализующий волю человека, его спонтанные побуждения? От чего сегодня из нас верны не себе, а политическому лидеру? Почему большинство из нас готово демонстрировать фанатичную приверженность не идеям, а популистским лидерам?

Свободен ли человек? О чем идет речь - о политическом положении или о внутреннем самоощущении? Человек, закованный в кандалы, крайне стеснен в своих поступках. Но его гордый дух, возможно, непреклонен... Российский писатель Варлаам Шаламов рассказывал, что он никогда не чувствовал себя таким внутренне независимым и свободным, как в тюрьме. Другому индивиду никто не чинит препятствий, он волен распоряжаться собой. Однако, вопреки счастливым обстоятельствам, добровольно закабаляет себя. Психологически ему гораздо уютнее, когда его жизнью, его волей и разумом распоряжается тоталитарный лидер.

У свободы различные лики. Ее связь с моралью крайне разноречива. Независим ли, к примеру, тот, кто обуздывает собственные вожделения? Как совместить радостную идею суверенитета индивида с опасностью его своеволия?

Свобода оказалась сложным феноменом. Человек может быть свободен в одном смысле, но не свободен в другом. Я могу отправиться в заграничный вояж, но это практически невозможна из-за денег. Политическая свобода может быть скована экономической несвободой. Человек, свободный экономически, не всегда свободен в проявлении своей политической воли...

Свобода представляется многим чем-то совершенно самоочевидным. О чем тут рассуждать? Каждый человек, задумавшийся над своим предназначением, не сомневается в том, что при любых обстоятельствах способен возвыситься над самим собой и условиями. Все зависит от его духовных усилий, напряжения воли. Если он захочет, свобода окажется его союзницей. Не проявляются ли в подобном ходе мысли обычные житейские предрассудки? Мы постоянно видим, как человек оказывает-

ся заложником собственных шагов, из которых только первый свободен...

Всегда считалось, например, что предельная свобода индивида находит свое отражение в акте самоубийства. Человек настолько свободен, что может добровольно уйти из жизни. Этот поступок требует внутренней концентрации сил, отчаянной решимости, даже мужества, чтобы сделать последний шаг. Но вот религиозно настроенный французский философ Г. Марсель пришел к выводу, что здесь все не так просто. В наши дни средства психологического воздействия на человека столь изощренны, тонки, неуловимы и вместе с тем так действенны, что и этот акт не вовсе не воплощает теперь свободной воли индивида.

Можно, например, по словам Г. Марселя, подтолкнуть к трагической грани человека, полного желания жить. Многочисленные сериалы с убийствами и насилием способны вызвать в человеке готовность расстаться с этим миром и даже внушить индивиду, будто он вынес этот приговор себе обдуманно, самостоятельно, без всякой подсказки. И напротив, изверившегося, отчаявшегося субъекта, задумавшего уйти из жизни, по словам Г. Марселя, нетрудно с помощью тех же манипулятивных приемов уверить в том, что такой поступок невозможен с моральной точки зрения. И в этом случае человеку будет казаться, что он свое решение принял без подсказки, хотя на самом деле и здесь произошло насилие над его личностью.

Может быть, нам только мнится, что у нас есть свободная воля, а в конкретном поведении обнаруживаются лишь общепринятые стандарты? Не случайно психологи считают, что, воздействуя на подсознание человека, можно заставить его выпрыгнуть в окно.. Если возможности манипулирования столь безграничны, то какой смысл толковать о свободных идеалах?

В древних Афинах Сократ, приговоренный к смертной казни, сам выпил чашу с ядом. Между прочим, у него была возможность бежать из тюрьмы или откупиться от судей. Однако древнегреческий мыслитель предпочел не отказываться от своих убеждений, не проявлять трусости или малодушия. В поступке Сократа проявилась такая ценность, как человеческое достоинство.

«Помню с детства старинную картинку, - писал российский литературный критик Лев Аннинский, - варвар врывается в Сенат и, обнажив короткий меч, бежит к сенатору, который ждет его, сидя в кресле. Меня поразило спокойное величие этого старца. Не спасается, не просит о пощаде, не блажит о «мире и сотрудничестве» - спокойно ждет». Да, в античной культуре мужество и достоинство человека ценилось высоко.

Однако в ту же эпоху подданный, например, восточной империи не считал за благо личную гордость и независимость. Напротив, в соответствии с иными культурными стандартами он почитал за счастье раствориться в величии монарха, целуя пыль, на которую ступила нога владыки. Две разные культуры – античная и азиатская. Различные представления о том, что значимо для человека. Различные, стало быть, ценностные ориентации представителей этих культур.

Итак, во многих культурах свобода не воспринимается как ценность. Люди бегут от этого дара, хотят, чтобы бремя свободы не отягочало их. Для конформистски настроенного филистера свобода тоже не является абсолютом. Он готов соблюдать заповеди общества, которое берет на себя обязанность быть его поводырем.

В современном российском правосознании противостоят две ценности – свобода и порядок. Строго говоря, они несовместимы. В той же мере как несовместимы свобода и равенство. Если ты выбираешь свободу, это означает, что обнаруживаются твои способности, твои таланты или их отсутствие. Здесь нет места равенству. Если ты выбираешь равенство, то тогда ты невольно выступаешь против свободы. Многие сегодня думают: Бог с ней, со свободой, пусть будет порядок. Другие, напротив, считают: жесткий порядок – это всегда пресечение свободы. Либеральная идеология не смогла точно сформулировать свою позицию по проблеме соотношения равенства и свободы. Речь идет о равенстве возможностей, а не о равенстве способностей и соответственно – благ ...

Итак, человек и свобода – значимые ценности, но в некоторых культурах они отвергаются. Их не признают и определенные слои общества конкретной культуры.

Мы осознаем сегодня, что всякое общественное установление, будь то закон, традиция или социальный институт, должно поворачиваться интересами личности. Идеальное человеческое поведение может создаваться, судя по всему, на предельном учете особенности каждого индивида, его разума, воли и чувств, всей человеческой субъективности. Пренебрежение к слезе ребенка или даже к голосу, который «тоньше писка», оборачивается драмой или даже трагедией для других.

Общество – это равнодействующая индивидуальных устремлений. Навязывание воли, парализующей «всех прочих», идеологии, безразличной к личности и фанатически отвергающей «чуждые» ценности, неизменно сопряжено в панораме длящейся истории с возмездием. Европейская культура основана на персоналистской традиции, то есть на

уважении к уникальности и незаменимости человека. Эта традиция родилась в христианстве и затем стала основой европейской культуры.

Однако в современных условиях личность как ценность общества ставит множество новых проблем. Персоналистская идея доводится до абсурда, освобождается от нравственных размышлений о природе человека и его предназначении. В ряде современных публикаций говорится о личности без малейшей попытки войти в сферы социологического анализа. Возникает малопривлекательный образ человека, выпавшего из лоноа человечества. Маячит угроза диктатуры индивида, готового отстаивать собственное своеволие в толпе внутри человеческого скопища.

Персоналистская социология, обосновывающая суверенитет личности, не может, я думаю, отвлечься от вопроса о том, каковы собственные пределы человека, в чем он черпает основы нравственности, что питает его волевые импульсы. Если мы хотим вернуть нашему социологическому мышлению ценностное измерение, то начинать надо, видимо, не с кукла индивида, не с безоговорочного признания его самоуправления, а с осмысления полярных ценностей, которые сложились сегодня на Западе и на Востоке.

Возвращая человеку его достоинство, его право строить мир по собственным меркам, нельзя, на наш взгляд, не видеть опасности скороспелого вывода: «Индивид превыше всего!». Шкала ценностных предпочтений применима и к самому человеку. Он вовсе не единственный, а полномочный представитель человеческого рода.

Христианство в целом и православие в частности, исключают безмерное поклонение человеку. Персоналистски ориентированная социология менее всего озабочена тем, чтобы установить диктат индивида. В том-то и дело, что, задумавшись над предназначением человека, эта социология выдвигает перед ним определенные нравственные императивы, соразмеряет поступки с общечеловеческими целями. Свобода человека трагична. Она ставит его перед выбором, потому что основана на нравственном законе. Личность отнюдь не стремится к диктаторскому самоутверждению и не пытается навязать общественной организации своекорыстные интересы.

Между тем социальные критики с тревогой пишут о том, что в современном мире принцип персонализма уже демонстрирует свои издержки. Политики жалуются, что многие не хотят служить в армии и защищать страну. Рождается множество индивидуальных стилей поведения, многие из которых направлены против общества и его институтов. Социологи отмечают, что последние выступления французской молодежи продиктованы инфантильными, эгоистическими мотивами. Мо-

жет ли и дальше персоналистская традиция развертывать только позитивный потенциал?

Другой тип поведения диктуется восточной культурой. В ней индивид считается частью целого: группы, коллектива, общины, государства. Он старается найти свою нишу в обществе, не выставляя преувеличенных требований.

Когда мы имеем дело с другой культурой, нас волнует вопрос, как избежать ошибок, которые связаны со своеобразием менталитета другой страны, другого народа. Почему европейцу трудно, например, войти в восточный бизнес? Деловая жизнь в Восточной Азии имеет «семейный характер». Предприниматели стараются вести дела не в одиночку, а опираясь на самых близких людей. Поэтому у них есть и личные отношения внутри фирмы и личные обязательства. Понятное дело, что иностранцу оказаться внутри этой восточной деловой этики трудно.

Восточная культура опирается на такие понятия, которые нелегко совмещаются в сознании европейца: иерархия и гармония. Для западного человека иерархия, разумеется, позволяет создать некое подобие порядка, но она вряд ли может обеспечить согласие. Ведь европейцу приходится выполнять волю руководителя. Стало быть, до гармонии далеко. Можно говорить лишь о скоординированных действиях.

Столь же иным окажется и для европейца и, скажем, японца понятие равенства. В европейском сознании люди рождаются равными и поэтому имеют право ощущать себя равными внутри общества. Для китайца или японца равенство не всеобщий принцип, а возможность оказаться с кем-то на одной ступеньке организации. Равенство обнаруживается только в том смысле, что два маршала или два сержанта могут быть равными, поскольку находятся на одном уровне иерархических ступеней.

В отличие от европейцев китайцы и японцы постоянно отождествляют себя с какой-то группой. Это может быть семья, фирмы, профессиональный союз. Поэтому они имеют стойкий навык действовать сообща, но при этом неизменно помнить о своем положении. Европейец, наоборот, приучен к самостоятельности, он пытается оторваться от группы, возвыситься над ней, перейти в другую группу. Для восточного человека ценностью обладает не самостоятельность или отделенность, а, напротив, причастность к чему-то. Это то самое чувство, которое испытывает человек, поющий в ходе или шагающий в строю¹⁸.

Когда вы разговариваете с восточным человеком, вас может раз-

¹⁸ См. Овчинников Всеволод. Выход на Восток \\\ Популярная психология, 2004, № 5, с. 21

очаровать его интерес к вам не как к личности, а как к выразителю социальной номенклатуры. Японец при первой беседе непременно постарается выяснить, каков ваш социальный статус, какую должность вы занимаете, какой имеете стаж, награды и характеристики. Он обязательно проверит, знают ли о вас более высокопоставленные особы. Судьба делового контакта зависит от всех этих сведений.

В значительной степени деловые отношения предполагают прямой контакт. Если знакомство происходит по факсу или даже по телефону, то оно вряд ли получит продолжение. В Западной Европе или Северной Америке – наоборот. Японца или китайца может удовлетворить только встреча лицом к лицу, обмен визитными карточками. Но еще большее значение будет иметь рекомендация. Ведь именно она может в какой-то степени помочь европейцу войти в систему деловых отношений японского бизнеса. При этом рекомендация не воспринимается как формальная вежливость, ни к чему не обязывающая любезность. Рекомендаторы несут ответственность за ту и другую сторону. Вот почему европейец, создающий деловые отношения на Востоке, стремится установить деловой контакт на как можно более высоком уровне.

Объясняя особенности деловой этики в Китае и Японии, Всеволод Овчинников приводит простую иллюстрацию. Конкуренция на Западе ставит вопрос: кому достанется пирог? На Востоке же спорят, как его поделить?¹⁹ Да и сама конкуренция имеет у японца иной смысл и содержание. Европейец стремится одержать полную победу, устранить и унижить конкурента. Восточные бизнесмены стараются не допустить преобладания одной стороны над другой. Нельзя довести конкуренцию до такого накала, чтобы противник «потерял лицо», оказался униженным, оскорбленным, а тем более раздавленным. Лучше всего это выражает древнее право для рикши. Молодой возчик имел возможность опередить старого лишь сократив дистанцию, изменив маршрут. Ни в коем случае превосходство не должно обнаруживать себя в болезненной демонстративной форме.

Деловые круги Японии стараются свести прямое соперничество до малозаметного уровня. Если в Англии или США конкуренция базируется на «честной игре», то в Китае или Японии она предполагает получение «подобающей доли». «В каждой отрасли японского бизнеса есть то ли «большая тройка», то ли «большая четверка», то ли «большая пятерка». Они делят между собой львиную долю рынка. К примеру, 22 % для «Ниссана», 17 % для «Хонды», 14 % для «Мицубиси», а что

¹⁹ Там же, с. 21.

осталось – на всех остальных (которые сами делят эту квоту между собой)²⁰.

Если какая-то фирма при заключении торговой или промышленной сделки пошла на уступки, то она получает преимущество при обсуждении другого вопроса, вообще не связанного с первым. В этом случае оценивается готовность партнеров идти на сделку, стремление к компромиссу рассматривается как безусловная добродетель. Нравственный подход к проблемам у восточных людей предполагает оценку поступка как хорошего или плохого, подходящего или неподходящего. Никто из деловых людей Востока не станет настаивать на пунктах контракта, если изменились обстоятельства. Если ситуация иная, стало быть, важно пересмотреть прежние договоренности.

Китайские и японские руководители редко принимают самостоятельное решение. Здесь ценится анонимное общее согласие. В американской фирме именно президент и совет директоров предлагают определенную волю и реализуют ее с помощью коллектива. В Азии нет движения команды сверху вниз. Напротив, все пункты соглашения, все стороны деловой жизни обсуждаются снизу. Поэтому руководитель выражает не чью-то личную волю. Он олицетворяет общее согласие, которое достигнуто путем долгих и разносторонних уступок.

Никто из японцев не станет выделяться из коллектива, участвовать в открытой конфронтации. Поэтому выработка общего согласия длится долго. Каждый руководитель постепенно вносит поправки в свою позицию, ориентируясь на другие интересы. Дискуссия предполагает не желание «додавить партнера», а достижение некоего компромисса. Именно поэтому президент фирмы оказывается лишь арбитром, который выбирает из нескольких вариантов тот, который не вызывает новых дискуссий.

Не случайно европейские предприниматели в деловых переговорах с китайцами или японцами, часто терпят поражение. Они требуют немедленного решения, незамедлительного действия, стараются сразу выложить все карты на стол. Но это не вызывает поддержки у их восточных партнеров. Американский предприниматель, так же как и современный российский, ставит во главу угла собственную прибыль. Человек Азии «раньше думает о родине, а потом о себе». Тщательно обсуждаются вопросы, связанные с долгом перед страной, перед персоналом. Тема реальной прибыли возникает в последнюю очередь. Сравните это с российской действительностью, с тщетными попытками склонить

²⁰ Там же, с. 21.

олигархов к благотворительности или к выполнению обязательств перед персоналом.

Европеец воспитан в духе идеалов свободы, культа индивидуализма. Дальневосточная мораль ставит общее благо выше личных интересов. По мнению Всеволода Овчинникова, эта черта генетически присуща и россиянам, которые по сути дела не столько европейцы, сколько евразийцы. Япония, вступившая на путь информационного развития, ощущает, что традиции порой мешают успешному продвижению страны. Групповая мораль не содействует творческому соревнованию, автономии индивида. Система пожизненного найма теряет смысл в эпоху информатики. В этом, по мнению В. Овчинникова, первопричина кризиса, который привел в 90-е годы к феномену «потерянного поколения».

Сознание человека Азии оказывается противоречивым в условиях информационного общества. С одной стороны, образ жизни японцев и традиционная мораль заставляют его быть застенчивым, скрываться за социальной маской. Но с другой стороны, это рождает чувство одиночества, жажду общения. Так, Япония предполагает выйти из «царства групп» в «царство личностей». Но произойдет ли при этом полное устранение традиционных культурных ценностей. В Японии и раньше происходили радикальные перемены, но она выдерживала их натиск, следуя мудрым принципам дзюдо – уступить натиску, идти на перемены, но при этом остаться собой. «Образно говоря, Япония никогда не станет русоволосой, хотя краситься под блондинов стало нынче модой «золотой молодежи»²¹.

Мы живем в эпоху коренной ломки вековых ценностных ориентаций. Раннебуржуазная этика рассматривала труд как потребность человека и призвание жизни. Люди той эпохи считали, что человек, который не трудится, достоин презрения. Однако сегодня во многих цивилизованных странах говорят о крушении «этики труда». В раннебуржуазных странах люди работали в полную силу, оставляя лишь несколько часов на отдых. Но постепенно в общественном сознании укреплялось другое представление: труд – не самое насущное для человека. Нужны деньги, чтобы развлекаться, наслаждаться радостями жизни. А деньги можно получить, и не трудясь в «поте лица своего», а просто если улыбнется удача. Не исключено, скажем, использовать свой шанс в лотерее или принять участие в телевизионной викторине. Да мало ли как богатеют люди, не приложившие особого труда для своего благоденствия. Теперь

²¹ Там же, с. 23.

во всем мире сетуют на отсутствие трудолюбия, размышляют над тем, как вернуть труду статус сверхзначимой жизненной ориентации.

Процесс смены ценностей, как правило, длителен. Но порою он принимает форму неожиданной перестройки всей системы представлений. К тому же ценностные ориентации одной, ушедшей эпохи могут возрождаться, обретать неожиданное звучание в другую эпоху. С этой точки зрения можно сказать: культура обладает некой сокровищницей, набором ценностных ориентаций, которые группируются в зависимости от преобладающей тенденции в обществе. Эту мысль М. М. Бахтин выразил следующим образом: «Человек однажды действительно утвердил все культурные ценности и теперь является связанным ими. Культурные ценности – это самоценности. Живому сознанию надлежит приспособиться к ним, утвердить их для себя...»

Иногда возникает иллюзия, будто все ее ценности имеют вечный, непреходящий, общеисторический характер. Однако это не так. В каждой культуре рождаются, расцветают и умирают свои идеалы. Но это вовсе не означает, будто вместе с культурой гибнут и ее ценности. Они могут возродиться в другой культуре. Наконец, культуры как бы аukaются, перекликаются между собой, существуют межкультурные ценности, которые не отменяют специфических ценностей каждой культуры.

Итак, в современном мире произошла грандиозная этическая революция. То, что было ориентиром для людей на протяжении четырех столетий, постепенно утрачивает свою силу.

А. О. Филатова

ПОТЕНЦИАЛ МЫШЛЕНИЯ И ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНТОВ

Как человек думает? Можно ли научить человека думать лучше, эффективнее, продуктивнее и точнее.

Проблемы мышления вызывают все больший интерес не только у философов, но и у психологов. С чем это связано? В.М. Розин справедливо полагает, что все больше усложняется мышление практически во всех областях деятельности и практиках. В результате для эффективной мыслительной работы мышление приходится планировать и программировать, а это одна из важнейших функций методологии. В свою очередь, усложнение мышления связано как с расширением спектра применяемых средств и методов, так и с необходимостью выбора той или иной познавательной, более широко мыслительной стратегии. Если, на-

пример, в XIX столетии естественнонаучный метод и подход считались главными, то в настоящее время наряду с ним широко используются гуманитарные и социальные мыслительные стратегии (дискурсы). Часто исследователь должен сам выработать стратегию и план мышления, по сути, совершенно новые²².

За последние десятилетия в области изучения мыслительных процессов человека произошли значительные изменения. Многие традиционные точки зрения, связанные с исследованием интеллекта, мышления, познания, сегодня оказываются устаревшими. Это относится, в частности, к стремлению создать «окончательную», «единственно верную» модель познания на основе эпистемологии и когнитивной психологии. Другой тенденцией, характерной для данного психологического направления, оказывается стремление «оградить» теорию мышления от иных, смежных областей психологического знания. «Психологи начинают отождествлять человека с когнитивным стилем, которым он обладает, с познавательными мотивами, которые ему свойственны, с идеями, которые он продуцирует. Однако сколь бы искусно мы не описывали те или иные особенности познавательных процессов, сами по себе эти особенности или их определенная организация не способны действовать в предметном мире. Субъектом деяния, поступка выступает сам человек (но не мотив или мышление), сама личность»²³. Некоторые механические схемы мышления не подтверждаются даже в ходе личного опыта.

Назрела потребность в освоении новых перспективных направлений когнитивной психологии. Среди них особую ценность представляет, на наш взгляд, эволюционно-информационная эпистемология. Она стремится интегрировать когнитивные модели, модели переработки информации и современные эволюционные представления применительно к задаче психологического исследования человеческого познания. Разделяя вместе с многими другими направлениями натуралистической эпистемологии позиции гипотетического реализма²⁴, эволюционно-информационная эпистемология в то же время полагается на свои собственные предпосылки, рассматривая человеческое познание как видоспецифическую форму информационного контроля окружающей среды и внутренних когнитивных состояний людей, обеспечивающих их выживание. Эта форма информационного контроля возникает из процесса взаимодействия эволюционирующих объекта и субъекта познания, ко-

²² Розин В. М. Методология. Становление и современное состояние. М., 2005, с. 4.

²³ Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003, с. 12.

²⁴ См. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. М., 1998.

торые в одинаковой степени реальны и принадлежат к одному и тому же типу реальности»²⁵.

Окружающий нас мир за минувшие десятилетия серьезно переменялся – сейчас даже трудно представить себе какую-то сферу практической деятельности людей, где бы вообще не применялись информационные технологии. Персональный компьютер, Интернет и другие глобальные средства коммуникации стали неременными атрибутами нашей повседневной жизни. Научный и технологический процесс, быстрое развитие в последние десятилетия информационных технологий и создание на их основе все более сложных искусственных интеллектуальных устройств ставят современную эпистемологическую психологию перед весьма непростым выбором – либо она должна скорректировать свои представления с учетом теоретических достижений и экспериментальных данных когнитивной науки, либо, ограничившись традиционными теоретико-познавательными парадигмами, оказаться на периферии когнитивных исследований.

За последние годы в отечественной психологии возник обостренный интерес к феномену смысла. Это понятие стало сегодня междисциплинарным. Оно используется в философии, этике, психологии и в других гуманитарных дисциплинах. При этом рождается фундаментальная оппозиция — осмысленность и бессмысленность. По словам французского философа Жюль Делёза, понимание возможно только как самоутверждение смысла перед ликом бессмыслия, рождения чего-то в разворачивающемся поле ничто²⁶. Понять, по Делёзу, означает заразиться бессмыслием, чтобы, вступив в борьбу со смертельным исходом, самому породить новый смысл.

Однако смысл не находится в определенной точке пространства и времени, откуда его можно взять и примерить на себя, истолковать окончательно и безупречно. Смысл, эта «несуществующая сущность» (Делез), ускользает от попыток предельной, исчерпывающей вербализации и рационализации, однако он постоянно воссоздается и уточняется в процессах общения между людьми и культурами. В прошлом веке человечество столкнулось с ситуацией смыслопотери. Современная философия стала уделять этому феномену значительное внимание. Многие авторы пишут сегодня о том, что «вымывание» из человеческой жизни основополагающих ценностей, мотивов и целей, смыслов обесценивает человеческую жизнь, превращая ее в подобие жизни. Поэтому так актуально обращение к проблеме смысла в философском ключе, интегри-

²⁵ Меркулов И. П. Когнитивные способности. М., 2005, с. 3.

²⁶ Делёз Жиль. Критика и клиника. СПб., 2002.

рующем многообразии подходов к пониманию смысла в психологии, логике, лингвистике, социологии.

Как создается смысл? Где он пребывает? Как передается и понимается? Этим вопросам посвящены работы выдающихся философов и психологов, но исчерпывающего ответа все еще нет. Есть осознание того факта, что мы натолкнулись на чрезвычайно важную проблему понимания. Культура – это конституирование определенной осмысленной общности между людьми, которая, связывая и объединяя, открыта иному бытию и опыту. Здесь очевидна ограниченность инструментального подхода к человеческому существованию. Все эти обстоятельства объясняют необходимость обращения к теме смыслового мира образования. Чувство осмысленности жизни дает опору, внушает надежду, заставляя вновь и вновь обращаться к выявлению сущности смысла.

Понимать – это означает всегда «входить в контакт». Если мы рассматриваем письменную или устную речь как некое информационное поле, то важно осознать те механизмы, которые определяют феномен творческого истолкования посланного текста.

Понимание всегда означает отношение человека к тексту, синоним того, с какой единицей коммуникации, каким знаковым образованием мы имеем дело. Процесс понимания характеризуется следующими факторами:

1. Ментально-физиологической активностью того, кому послан текст;
2. Степенью текстовой сложности;
3. Креативностью того, кто принимает послание, ведь в процессе коммуникации текст искажается;
4. Различной степенью и глубиной: понимание может быть полным и неполным, адекватным и неадекватным.

Когда мы слушаем лектора и не можем войти в лабораторию его мысли, мы находимся в пространстве бессмысленности. Смысл не присутствует в его лекции как нечто предуготовленное, преднайденное: его следует только уловить. Напротив, постижение смысла – это оригинальный и творческий процесс. Результат понимания может оказаться гораздо более богатым, нежели то содержание, которое заключено в сообщении. Бессмыслица, таким образом, в аспекте феноменологии, понимающей психологии, в аспекте осмысленной значащей целостности выступает как некая стадия, как путь к обретению смысла.

В наш прагматичный век не всегда удается додумать до конца некоторые значимые мысли. Весомость той или иной фразы мы нередко оцениваем только по тому содержанию, которое она включает в себе.

Это кажется очевидным. Рейтинг профессора определяем по его трудам, по тому, что прозвучало с кафедры. Но «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется». Между тем высказанное и осмысленное – разве это одно и то же? Всегда ли нам удастся постичь неисчерпаемую глубину смысла? Положительным результатом человеческой коммуникации может служить относительно полное, либо частичное понимание. Однако важно выйти за рамки узколингвистических гипотез и приступить к комплексному изучению данного феномена.

При анализе проблемы понимания мы, разумеется, сталкиваемся с неразвитостью ума тех, кого мы обучаем. Однако именно это обстоятельство заставляет нас более основательно размышлять о данном феномене, о развитии познавательных способностей. И. Кант отмечал, что притязание разума к нему можно выразить в трех вопросах, соответствующих трем видам этой способности:

Чего я хочу? (спрашивает рассудок)

От чего это зависит? (спрашивает способность суждения),

К чему это приведет? (спрашивает разум)²⁷.

По своей способности отвечать на эти три вопроса люди очень отличаются друг от друга. Первый вопрос требует ясного ума, способного понять самого себя; и этот природный дар при наличии некоторой культуры довольно распространен, особенно если на это направляют внимание. Для правильного ответа на второй вопрос, по мнению Канта, нужен талант. Книжная ученость увеличивает знания, но, если ей на помощь не приходит разум, она не расширяет понятие и понимание. Ее следует отличать от игры с попытками применения разума без соблюдения его законов.

В работе педагога чрезвычайно важно, насколько глубоко понят смысл того, что излагается на уроках или во время лекций. Каждое сообщение, посланное аудитории, проходит множество барьеров, которые в значительной степени искажают смысл или делают его непроницаемым. Скажем, гносеологические барьеры свидетельствуют о том, что многие люди вообще не обладают абстрактным мышлением или обладают им в слабой степени. В результате, если сообщение имеет дело с отвлеченными реальностями, смысл его может оказаться непонятым или искаженным.

Понятия «смысл» и «значение» являются базовыми для интерпретации структуры человеческого сознания. В научной литературе мы встречаемся с множеством различных трактовок этих терминов, зачас-

²⁷ Кант И. Соч. в 8 томах. Т. 7. М., 1994, с. 258.

тую противоположных, иногда неопределенных. Трудности объяснения функционирования двух основных образующих индивидуального сознания до сих пор остаются и в психологии²⁸.

Есть все основания полагать, что способность к абстрактному мышлению свойственна далеко не всем людям. Из эмпирического исследования известно, что многие студенты вообще не в состоянии освоить материал, связанный с высоким уровнем абстрагирования. Способность к абстракции не связана непосредственно с фактом креативности мышления. Высокий уровень креативности не обеспечивает абсолютной гибкости интеллекта и его готовности воспринимать материал в отвлеченно-абстрактном варианте. Однако, тем не менее, существуют конкретные методы развития ментальных навыков.

Способность к абстрактному мышлению обусловлена генетически. Многие люди от рождения не способны к интеллектуальным операциям на уровне понятий. Получая информацию отвлеченного характера, такие студенты стремятся перевести ее на язык конкретики, снижая абстракцию до эмпирического понимания. В этом случае неисчерпаемость смысла оказывается нереализованной, адекватность восприятия сообщения нарушается.

Однако это вовсе не означает, будто обучение во многих случаях должно отказаться от уровня абстракции. Многие люди обладают способностью к абстрактному мышлению, но не сумели обогатить ментальные навыки. В этом случае важно помочь студентам развить свои способности к отвлеченному мышлению. Следует также иметь в виду, что отсутствие абстрактного мышления, судя по всему, компенсируется всеми резервами человеческой психики.

Коэффициент интеллектуальности (КИ) отражает способности к уяснению и пониманию, а творческий потенциал связан скорее с навыками дивергентного мышления. Кроме того, КИ зависит от объема информации, который испытуемый хранит в памяти. Но при выполнении тестов на дивергентное мышление результат тоже в какой-то мере обусловлен имеющимся объемом знаний. Если необходимой информации в памяти нет, она не может быть извлечена для решения задач на дивергентное мышление. Недаром многие творчески продуктивные люди подчеркивают, что запас знаний в памяти чрезвычайно важен, а КИ рассматривают как «показатель верхнего предела при выполнении некоторых тестов на дивергентное мышление».

²⁸ Селиванов В. В. Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск, 2003, с. 175.

Поскольку при тестировании на КИ наибольшую роль играет информация, выраженная семантическим кодом (т.е. словесная информация), то ограничительная роль КИ должна быть наиболее очевидной при использовании словесных тестов. Это подтверждается экспериментально: коэффициент корреляции между результатами тестов на КИ и на дивергентное мышление значительно выше при использовании словесных тестов, чем фигурно-пространственных и символических.

Чем выше КИ, тем больше шансов обнаружить среди испытуемых по крайней мере несколько человек с высоким творческим потенциалом. Не было случая, когда при низком КИ обнаруживались бы высокие показатели дивергентного мышления. Но при высоком КИ нередко низкие результаты тестирования на дивергентное мышление. Таким образом, связь между КИ и дивергентным мышлением – односторонняя.

Способность к абстракции не связана непосредственно с фактом креативности. Проблема мышления только сейчас начинает оформляться в качестве специальной области теоретического психологического знания. Мышление рассматривается как высший познавательный психический процесс, который характеризуется обобщенным и опосредованным отражением действительности и существующих связей между явлениями внешнего мира. Мыслительные операции изучаются в отечественной психологии через категории «анализа» и «синтеза», «обобщения» и «различения», «абстракции» и «конкретности». Исследователи выделяют несколько видов мышления: по форме, характеру, по степени развернутости, степени новизны. В последнем случае, как известно, различают две формы мышления – дивергентное и конвергентное (Дж. Гилфорд). Дивергентное мышление является одним из важнейших качеств творческой личности и связано с креативностью – общей творческой способностью человека (В.Н. Дружинин). В возрастной психологии изучают развитие мышления у ребенка как постепенное становление у него интеллектуальных функций (школа Ж. Пиаже). По форме выделяют три вида мышления: наглядно-действенное, наглядно-образное и абстрактно-логическое. Последнее оперирует понятиями, суждениями и умозаключениями для создания сложных рационалистических логических систем. Мышление связывают с интеллектом, высокий уровень развития мышления (особенно теоретического) обеспечивает быстрое решение интеллектуальных тестов и высокий коэффициент интеллекта.

До середины прошлого века психология мышления развивалась в рамках борьбы психологических школ, в логике развития теоретического знания, прежде всего (О. Кюльпе, О. Зельц, В. Кёллер, М. Вертгей-

мер, К. Дункер). Запрос же со стороны практики в начале минувшего столетия ограничивался задачами дифференцирования психической нормы и патологии, идущих от проблем обучения в частности (А. Бине, В. Штерн, Ф. Гальтон, Ж. Пиаже, А. Валлон).

Мышление, направленное на реальные предметы, называется конкретным. Мы говорим исключительно о нильских крокодилах, и ни о каких других. Дальше этого объекта мысль не устремляется. Но мышление может быть и абстрактным. Поначалу речь шла конкретно о первой любви. Но вдруг мой сосед по парте придал дискуссии глубинное направление. «А что такое любовь вообще?» - спросил он, приглашая нас к разговору, а, возможно, и спору. Мы стали уточнять это понятие. Попутно переключились на другие вопросы, которые имеют отвлеченный, то есть философский характер.

Вы, конечно, догадались, что конкретное и абстрактное мышление в реальности не разделены нерушимыми принципами. Вы легко переходите от конкретного предмета к абстракции, скажем, от картины известного художника к изобразительному искусству вообще. Но в то же время, говоря об изобразительном искусстве в целом, вы умышленно обращаетесь и к конкретным произведениям, то есть к реальным объектам.

Постоянные переходы мысли от конкретного к абстрактному и наоборот, свидетельствуют о том, что сфера мышления постоянно меняет свой объем и содержание. Способность мыслить может быть полноценной, ощутимой. Но в особых случаях, например перед лицом смертельной опасности или в минуты любовного опьянения, сфера мышления может совершенно исчезнуть, оставив человека наедине с самим собой. Не зря, например, говорят: «Она совершенно потеряла голову...» Какой из этого следует вывод? Разум есть сознание в действии... Сознание реализует себя через мышление. Но сам по себе этот процесс не однозначен. Мышление разворачивает себя в разных формах и в разном объеме.

Нередко мышление пользуется абстракциями. Иначе говоря, мысль создает некое понятие, некий образ, в котором присутствуют общие признаки, но при этом исчезает конкретное. Например, если я попрошу вас вызвать в воображении животное, то вы тотчас же представите его, и, наверное, это будет образ волка, медведя или лошади. Разумеется, можно пользоваться и конкретными образами. Но ведь вам нужно обозначить нечто, общее для всех конкретных представлений животного царства. Мысль как бы отвлекается от возникших в воображении (в ответ на мою просьбу) конкретных представлений и создает

общее понятие, которое наше воображение, если и попытается как-то обозначить, то, вероятнее всего, создаст образ никогда не существовавшего в реальности вида животных, который вберет в себя черты самых разных живых существ. Этакое «чудище обло, озорно, стозевно и лаяй».

Абстракция обозначает процесс мышления, в котором мы отвлекаемся от единичного, случайного, несущественного и выделяем общее, необходимое, существенное, чтобы достичь научно объективного познания. Способность к абстрагированию появилась у человека не сразу. Мышление как феномен возникло около 30-40 тыс. лет назад. Однако оно стало обретать привычные для нас контуры лишь с середины первого тысячелетия до н.э. в Древней Греции.

Французский философ Клод Леви-Строс (р. 1908) в книге «Первобытное мышление» рассказывает об одной исследовательнице, которая, прибыв в африканское племя, захотела прежде всего изучить язык этих людей. В процессе изучения языка оказалось, что у них, например, не существовало понятие «растение», обобщающего все виды растущих цветов, деревьев, травы... Туземцы представили ей огромное количество ботанических образцов. Здесь каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок знают сотни видов растений. Но ведь, изучая чужой язык, мы опираемся и на общие понятия, а вот именно они-то и отсутствовали в языке, вызвав недоумение у исследовательницы²⁹.

Т. М. Свинина

ТВОРЧЕСТВО И ДУХОВНОСТЬ

В случае, когда речь заходит о творчестве, это понятие рассматривается, по крайней мере, в двух различных аспектах. Во-первых, под этим словом подразумевается процесс создания какого-либо доступного для восприятия зрителей или слушателей нового произведения искусства: картины, скульптуры, симфонии, стихотворения или романа. В то же время, само состояние личности человека, делающее возможным создание им вышеупомянутых произведений, тоже определяется как творчество. При этом данное состояние, свойственное какому-либо индивиду, даже не предполагает непременно появления чего-то нового и осязаемого.

²⁹ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М, 1994, с. 117.

Если говорить о творчестве в первом значении этого слова, иными словами, о творческой деятельности художника, то оно предполагает наличие целого ряда разнообразных факторов: одаренности (вернее сказать, генетически заложенных способностей), образования, усердия и, в то же время, определенных экономических и социальных условий, благодаря которым человек через обучение и усердные тренировки мог бы развивать свои способности. Предметом же нашего рассмотрения станет другое творчество, а именно, творческое начало в личности, то есть творчество как особенность характера человека.

Что же мы понимаем под творчеством как состоянием души человека? По моему мнению, правильнее всего было бы определить его следующим образом: это способность человека *видеть, или же сознательно воспринимать, и правильно реагировать на увиденное им*. Данное определение может показаться слишком простым. Некоторые могут даже заметить: "Если это понимать под творчеством, то я, абсолютно сознательно воспринимая как вещи, так и людей, и совершенно точно на них реагируя, без сомнения, являюсь натурой творческой. Разве я не воспринимаю все, встречающееся мне по дороге на работу? Разве я не реагирую адекватно на все происходящее вокруг меня? Разве в общении с людьми я не улыбаюсь им приветливо? Разве я не вижу своей супруги и не отвечаю на ее желания?"

Практически все люди в действительности думают именно так, однако в этом состоит их неправота. На самом деле, люди в своем большинстве почти ничего осознанно не воспринимают и почти ни на что не реагируют должным образом. В первую очередь, рассмотрим природу процесса восприятия и реагирования и постараемся выявить отличие творческого подхода в этом процессе от нетворческого.

Представим себе, что человек видит розу и заявляет: "Это - роза" или "Я вижу розу." И вы полагаете, что он в действительности ее воспринимает? Совсем необязательно. В отношении кого-то это является справедливым, однако если говорить о большинстве, то нет.

Что представляет собой опыт большинства людей? По-моему, его можно охарактеризовать так. Глядя на какой-либо предмет (как на розу в нашем примере), человек заявляет, что данный предмет соответствует понятию "*розы*" и, следовательно, заключение "Я вижу розу" верно. Если на первый взгляд кажется, что акцент делается на процессе *видения*, на самом деле здесь имеет место чисто когнитивное восприятие предмета, узнавание и его словесное выражение. Заявляя, что он видит розу, человек лишь обнаруживает тем самым свою способность говорить. Он был обучен узнавать определенный предмет и соответствующим обра-

зом его классифицировать. В силу этого в данном случае мы имеем дело лишь с неким процессом распознавания, а отнюдь не с подлинным *видением*, выражающимся в восприятии, созерцании или оценке.

Но что же собой представляет *видение*, или *созерцание*, в своем истинном понимании? Начав с примера, наверное, мне проще будет это объяснить. Женщина, очищающая на кухне от стручков горох, восторженно говорит своему знакомому: "Сегодня утром я испытала удивительное ощущение: я впервые увидела, как катится горох". Услышав такое, многие, безусловно, испытают чувство неловкости, решив, что с женщиной, говорящей подобное, происходит что-то неладное. Они будут поражены тем фактом, что кто-то способен удивляться, наблюдая катящийся горох, ибо для них это - само собой разумеющееся явление. Это происходит в силу того, что сами эти люди по своей природе другие; соответственно, другими являются и их ощущения. Наблюдая за катящимися горошинами, они лишь отмечают для себя подтверждение своих повседневных знаний, согласно которым круглые предметы будут скатываться с наклонной и относительно гладкой поверхности, будучи неспособными лежать на ней неподвижно. Они не воспринимают этот процесс полноценным образом и не переживают его, для них он сводится лишь к фиксации их знаний.

В связи с этим следует отметить значительное различие в поведении взрослых и детей. Сравните реакцию на катящийся мяч взрослого человека и двухлетнего ребенка. Ребенок может, не зная усталости, сотни раз подбрасывать и ловить мяч, сопровождая взглядом его полет и испытывая от этого радость. Чем можно это объяснить? Если же за катящимся мячом наблюдаем мы, взрослые, то нам достаточно посмотреть на него один раз, ибо в оценке данного процесса участвует лишь наш разум. Мы не получим никакой новой информации, увидев движущийся мяч во второй, третий или пятый раз. Иначе говоря, нам будет скучно наблюдать за ним снова и снова. Ребенок же, напротив, не ставит перед собой задачи, наблюдая за мячом, получить какой-либо осмысленный опыт; само созерцание движущегося мяча и получение удовольствия от игры являются для него важнейшими. Впрочем, наблюдая за мячом при игре в теннис, многие взрослые также способны испытывать от этого радость.

Глядя на дерево абсолютно осознанно, воспринимая всю полноту его подлинного *бытия*, сочувствуя всем сердцем ему и условиям, в которых оно существует, человек получает опыт, являющийся основой для того, чтобы суметь это дерево нарисовать. Другой вопрос, обладает ли он необходимыми техническими навыками, которые могли бы по-

зволить ему заниматься живописью и отображать свои переживания. Но абсолютно ясно одно: ни один художник нигде и никогда не смог бы создать ни одной стоящей картины, передав в цветах и красках рисуемый им объект, должным образом предварительно его не изучив и не осознав его особенностей.

Постараюсь объяснить разницу в познании под другим углом зрения. Воспринимая дерево в рамках неких категорий, человек рассматривает его лишь как один из предметов, относящихся к биологическому виду под названием "деревья", то есть, для него оно является абстракцией, понятием ("какое-то дерево", "одно из деревьев") и, соответственно, лишено в его глазах какой бы то ни было индивидуальности.

И напротив, при подлинном живом восприятии абстрактный подход невозможен. В этом случае дерево становится совершенно конкретным и неповторимым. Такого дерева не отыскать во всем мире, ибо именно его видит человек, именно оно находит отражение в его сознании и, тем самым, он оказывается с ним в определенных взаимоотношениях, становясь в некотором смысле его творцом.

В целом то, как мы воспринимаем людей, аналогично нашему восприятию предметов. Глядя на человека впервые, мы, как правило, полагаем, что видим его. Однако очевидно, что в первую очередь наше внимание сосредотачивается лишь на поверхностных, второстепенных аспектах, таких, как цвет его кожи, стиль одежды, социальное положение, воспитание, расположенность или недружелюбие и, безусловно, той потенциальной пользе, которую этот человек нам может принести. Первое же, что нас интересует, это его имя, благодаря которому мы оказываемся способны определенным образом этого человека классифицировать - аналогично тому, как мы классифицируем цветок, относя его к розам. При этом наше восприятие человека не слишком отличается от того, как он воспринимает себя сам. На вопрос о том, кто он, в первую очередь он ответит, что его зовут Джон. Если мы намекнем, что этого нам этого недостаточно, скорее всего, он скажет, что по профессии он врач, женат и имеет двоих детей. Если же кому-то и этого окажется мало, то такого человека либо сочтут не слишком сообразительным, либо упрекнут в излишнем любопытстве. Для меня каждый отдельный человек является абстракцией, равно как и я для него. При этом ни мне, ни ему не нужно большего. Больше того, мы даже подвержены некоей общей фобии, выражающейся в том, что мы испытываем страх перед взаимным сближением, мы боимся проникнуть в сущность другого человека, отказавшись от его поверхностного восприятия. В силу этого мы стремимся ограничить наши знания о человеке лишь минимумом,

требующимся для сиюминутного общения с ним. Подобное стремление к получению лишь поверхностного знания о другом человеке является признаком глубочайшего взаимного равнодушия.

Но этим все не ограничивается. Дело еще и в том, что наше восприятие другого человека не просто по своей природе поверхностно; по вине нашей способности к перенесению оно во многом оно еще и оторвано от реальности. Например, если человеку присущи проявления гнева, данная черта его характера переносится им на других людей, которых он считает подобными себе в этом отношении. Если же он застенчив по натуре, он проецирует это свойство и на другого. При всем этом, навешивая на другого кучу тряпья, которое не желаем носить сами, мы не отдаем себе отчета в том, что за ним скрывается не живой человек, а лишь наряженный нами манекен.

Кроме этого, мы не только переносим черты своего характера на другого индивида; наше восприятие искажается, не позволяя нам видеть его таким, каков он есть в действительности, еще и под влиянием наших эмоций, нашего настроения. К этому нас подталкивают три основных свойства нашей личности - жадность, глупость и гневливость, - в рамках буддистской этики рассматриваемые как три основных "греха". Не нуждается в особых доказательствах тот факт, что в случае если в отношении кого-либо человека у нас имеются некоторые корыстные цели, мы оказываемся неспособны объективно его оценивать, ибо наше корыстолобивое воображение, ограниченность мышления и злобная натура оказывают на наше восприятие определяющее влияние.

Но как же взглянуть на другого человека творчески? Это значит - посмотреть на него объективно, без искажений и надуманных аспектов, избегая перенесения на него черт характера других людей. В первую очередь, это предполагает избавление от собственных "грехов", неизбежно обуславливающих возникновение эффекта перенесения и искажения восприятия. Это подразумевает также пробуждение человека от ленивого оцепенения и подготовку его к истинному восприятию самой сути вещей, а не только их внешней стороны. Творческое состояние души и творческая жизнь оказываются достижимыми лишь в случае, если человек достигает этой внутренней зрелости и сводит к минимуму свое стремление к перенесению и искажениям реальности.

Познание человека во всей его целостности подобно внезапному и порой поражающему неожиданностью откровения открытию. Случается так, что, видев до этого человека раз сто, при следующей встрече с ним Вас посещает озарение: Вам кажется, что раньше его толком и не видели и лишь сейчас узнали по-настоящему. Его лицо, глаза, движения, по-

ходка, голос звучат теперь по-новому, более ярко и выразительно, и перед Вами предстает столь отличающийся от прежнего образа его совершенно новый портрет. Таким образом, становится ясной разница между понятиями "видеть" в смысле *смотреть* и "видеть" в значении *узреть*; иными словами, отличие простого, бездумного созерцания от видения как обнаружения, осознания, открытия чего-либо. При восприятии человеком знакомой ему с детства местности, знаменитой на весь мир картины или какого-либо другого известного объекта он также может оказаться в подобной ситуации.

Необходимо отметить, что *увидеть* человека или какой-либо предмет во всей целостности, полноте и многогранности его природы является непременным условием правильного восприятия и соответствующей реакции того, кто его воспринимает. Следует признать, что как правило в реальной жизни преобладают неверные реакции, равно как и ложные восприятия; ограниченные рамками обыденного сознания, они поверхностны по своей природе. Например, читая в газете статью о том, что в Индии голодают люди, человек практически никак на это не реагирует. Максимум чего можно ожидать, это то, что, испытав некое подобие сочувствия, он подумает: "Ах, какой ужас!" В случае же если он видит чьи-то страдания своими глазами, его реакция совершенно иная. Он испытывает чувство сострадания, желание оказать помощь, что и пытается сделать. Тем не менее, даже если он видит конкретного человека, испытывающего страдание, в целом его реакция достаточно поверхностна. Он полагает, что испытывает те чувства, которые должны его посетить в соответствии с данной ситуацией и делает то, что принято делать; в то же время, он определенным образом дистанцируется от происходящего. Реагировать же полнокровно означает задействовать все человеческие ресурсы, посредством которых человек может воспринимать действительность: способность испытывать чувства радости и страдания, любви и ненависти. Если это так, то его реакция на другого индивида адекватна, ибо восприятие направлено на его сущность, благодаря чему он реагирует на него должным образом. Его реакция при этом обусловлена не разумом, а чувствами, то есть тем, что он видит и слышит. Он воспринимает человека словно всем своим существом, всей своей натурой; создается ощущение, словно в процессе мышления участвует не мозг, а все его тело, и видит он не глазами, а сердцем. Если это на самом деле так, то, направляя к воспринимаемому им объекту все свои мысли, чувства и способности, он перестает быть лишь наблюдателем, в то время как то, что он воспринимает, перестает быть просто объектом. Они становятся чем-то единым, и человек перестает быть судьей тому, кого он

судьей тому, кого он воспринимает. Происходит абсолютное взаимопроникновение, выражающееся в том, что видящий и видимое им, оставаясь с одной стороны сами собой и существуя как отдельные субъекты, в то же время сливаются в единое целое.

Какие же *условия* необходимы для того, чтобы человек обрел такое *творческое состояние*, при котором его восприятие окружающего мира стало бы интуитивным и было бы подобно озарению? Первым таким условием является способность человека удивляться. Она присуща детям, всегда стремящимся к ориентации в новых условиях и расположенным к познанию всего нового. Обладая способностью удивляться, озадачиваясь чем-либо, ребенок при этом реагирует неожиданно и по сути своей весьма творчески. Как правило, большинство людей теряет способность удивляться под влиянием воспитания и образования. Удивление они рассматривают как проявление невежества, ибо полагают, что уже должны все знать. Окружающий мир для них более не чудесен и удивителен, а воспринимается как что-то само собой разумеющееся. В то же время, необходимым условием любой творческой деятельности и каких бы то ни было открытий в области науки или искусства как раз является сохранение человеком способности удивляться.

Как весьма точно заметил французский математик Раймонд Пуанкаре, способность допустить неожиданное есть отличительная черта гениальности в науке. Именно так состоялись многие научные открытия. Предположим, что некий ученый изучает феномен, ни у кого ранее не вызывавший никакого изумления. Но обладая живым мышлением и не утратив способности усматривать проблему в очевидном, он находит в этом очевидном невероятное, что и приводит его к открытию. Выдающимся ученым становится лишь тот исследователь, который при решении конкретной задачи благодаря своей способности удивляться обращает внимание на то, что другие рассматривают как само собой разумеющееся.

Способность сосредоточиться - это вторая отличительная черта творческой личности, довольно редко встречающаяся в западной культуре. Постоянно занятый западный человек чаще всего не бывает сконцентрирован на деле, которым он занят в данный момент, а думает о том, чем он займется после окончания этой работы. Он старается делать одновременно как можно больше дел: завтракает, читает газету и слушает радио, перебрасываясь при этом фразами с домашними. Он занят одновременно несколькими разными делами, ни одно из них не выполняя в полную силу, не используя все свои возможности. Для человека, способного сосредоточиться, дело, которым он занят в данный момент,

представляется самым важным на свете. Ему кажется невероятно значительным именно то, чем он занят здесь и сейчас: читает ли он, разговаривает или просто прогуливается по улице. Прошлое или будущее, которым живет большинство людей, не существует как реальный опыт. На самом деле человек живет *здесь и сейчас*, поэтому подлинное восприятие им реальности и его подлинная реакция на него возможны лишь в случае, когда он полностью отдается тому, что он в это мгновение чувствует и делает.

С этим связана и еще одна проблема: ощущение человеком самого себя. Способность человека к *самопознанию* является третьей отличительной чертой творческой личности.

"Я" - не только последняя буква алфавита, но и последнее слово в лексиконе ребенка, который учится говорить. Освоив же это слово, человек использует его в своей речи постоянно. Выражая свое мнение, он говорит обычно: "Я думаю". На самом же деле, он лишь повторяет то, что услышал от кого-либо, или прочитал в газете, или даже узнал в детстве от родителей. Он лишь воображает, что сам думает, поэтому правильнее было бы, если бы он сказал: "Мне (во мне) думается". Если бы граммофон мог говорить, он точно так же мог бы сказать: "Я играю симфонию Моцарта", хотя понятно, что он лишь воспроизводит то, что сочинено, записано на пластинку, а затем положено на диск проигрывателя отнюдь не им самим.

Сказанное о мышлении в полной мере относится и к области чувств. Предположим, мы справляемся на вечеринке о самочувствии некоего господина; он уверяет нас в своем отличном самочувствии и веселом расположении духа. После окончания вечеринки мы вновь встречаем его, уставшего и печального. Возможно, ночью его будут мучить кошмары. Был ли он счастлив в действительности? Внешние признаки его счастливого состояния были налицо: он пил вино и смеялся, ничем не отличаясь от остальных шумно веселящихся и без умолку болтающих гостей. Он считал себя обязанным быть таким же веселым, как и все остальные, и испытывать чувства, соответствующие ситуации, хотя на самом деле он, возможно, скучал и грустил.

Ощущать себя центром мира, причиной и движущей силой происходящих событий может лишь человек, действительно осознающий свою самость, свое "Я". Именно это я и понимаю под словом "оригинальность", причем я имею в виду главным образом не какие-либо открытия, а различные состояния души, причина которых во мне самом.

Самоидентификация, ощущение своего "Я" необходимы для каждого человека. Безумие может грозить утратившему это чувство. В каж-

дой культуре чувство самосознания проявляется по-своему. В примитивном обществе человек, еще не ставший "индивидуальностью" и отождествляющий себя со своей группой, мог описать свое "эго" как "Я - это Мы". В процессе эволюции он осознает свою индивидуальность и перестает идентифицировать себя со своей группой, учась ощущать свое "Я".

По поводу понятия самосознания ведется немало споров. Многие психологи рассматривают чувство самосознания как некое зеркальное отражение той социальной роли, которую выполняет каждый человек, стремясь соответствовать возлагаемым на него ожиданиям. Подобная форма самосознания глубоко патологична (хотя и широко распространена в нашем обществе): она порождена страхом и неуверенностью человека в себе, что неизбежно приводит его к конформизму. Только развивая свое самосознание, рассматривая себя как творца своих поступков, осознавая творческую роль своего "Я", можно преодолеть свой страх и стремление к конформизму. При этом подобная самооценка вовсе не делает человека эгоцентриком. Человек как творческая личность полностью проявляет себя лишь во взаимодействии с другими индивидами. Только ориентируясь на других, он реализует свое "Я". Оставшись один, лишаясь связей, он утрачивает возможность самореализации и адекватного раскрытия своего "Я", испытывая скорее чувство обладания самим собой. "Мой дом - моя крепость" - вот типичная идеология подобного человека. Его владения - он сам. Его тело, его мышление, память - вот его собственность. Но в таком случае творческое самосознание вступает в конфликт с ощущением человеком своего "Я". Человек с подобным "Я" полон уныния и страха, он неспособен к творчеству и воспринимает себя как вещь, как свою собственность, становясь при этом пленником своего "Я". Только вырвавшись из заточения своей личности, отстранившись от материальной оболочки своего "Я", он может стать счастливым и постичь свою самоценность. Научившись реализовывать себя в процессе творческого взаимодействия, он парадоксальным образом как бы утрачивает в этом процессе самореализации свою *самость*. Ему удастся выйти за границы собственной личности и в то самое мгновение, когда он думает о себе "Я есть", ему открывается ощущение "Я есть ты", и даже "Я чувствую единение со всем миром".

Рассмотрим следующую отличительную черту творческой личности. Я имею в виду правильное отношение к конфликту. Речь вовсе не идет о стремлении избежать напряженных ситуаций и уклонении от свойственных противоположностям столкновений. Как раз напротив, я говорю о способности встретиться с конфликтом лицом к лицу и уме-

нии его разрешить. Бытующее сегодня мнение о том, что конфликтов следует всячески избегать, с моей точки зрения является в корне неверным. Современная система воспитания полностью ориентирована на то, чтобы оградить ребенка от конфликтов. Ребенку всячески облегчают жизнь, заботятся о нем и стремятся предупредить любые его желания. В силу того, что этические нормы при этом в такой степени сглаживаются, ребенок очень редко оказывается в ситуации, когда его желания и общепринятые положения принципиально противоречат друг другу.

Досужее мнение о том, что конфликтов следует избегать, поскольку они вредны, по своей природе глубоко ошибочно. Напротив, конфликты - это источник стремления человека к самосовершенствованию, развития всех его сил и основа становления его характера. Человек, избегающий конфликтов, уподобляется хорошо отлаженному механизму, в котором моментально приглушается любой эмоциональный порыв, машине, автоматически упорядочивающей все чувства и побуждения.

Но помимо обычных, случайных конфликтов, существуют и другие, являющиеся порой судьбоносными и коренящиеся в самой природе человека. Ведь тело человека, его потребности принадлежат к животному миру, в то время как, призвав на помощь свое сознание и воображение, он пытается подавить в себе свое природное начало.

За время своей короткой жизни мы реализуем лишь малую часть тех возможностей, которыми обладает (или будет обладать) человеческая раса. Строя какие-либо планы и принимая программы, мы находимся при этом в большой зависимости от абсолютно не подчиняющихся нашей воле или нашим планам случайностей. Одним из важнейших условий, определяющих наличие творческого начала в человеке, как раз является сознательное отношение к подобным конфликтам и способность воспринимать их не только разумом, но и чувствами. Человек не является творческой личностью, если он отрицает конфликт или относится к нему поверхностно, руководствуясь обыденным сознанием по принципу "все, что ни делается, - к лучшему" и не воспринимая ситуацию на эмоциональном уровне. Кроме того, необходимо отметить, что человеку свойственно стремление игнорировать не только конфликты, но и существующие на всех уровнях сами свои противоположности. И если на индивидуальном уровне можно говорить о противоположности темпераментов, то на уровне социума в первую очередь речь по-прежнему идет о противоположности полов. Но какую же картину мы здесь наблюдаем?

Наше превратное понимание равноправия, в любом случае ориентированного на сглаживание противоположностей, привело к тому, что мы поставили перед собой задачу максимально сократить противоположность между мужчиной и женщиной. По мере того как современный человек все больше превращается в вещь, в той же степени вещами становятся мужчина и женщина, утрачивая полярное различие между собой. В наши дни разница между мужчиной и женщиной сохраняет свое значение в чисто сексуальном аспекте, в то время как во всем остальном она практически нивелировалась. Но даже исторически опиравшееся на определенную Богом противоположность Адама и Евы эротическое воспитание в рамках западной культуры сегодня значительно утратило свою актуальность. На смену любовным отношениям, атмосфере эротики и страсти, как раз и являющейся источником творчества, теперь все чаще приходят отношения товарищеские. Безусловно, многие прогрессивные явления в современной культуре обусловлены достижением равноправия между полами (не говоря уже о том, что залогом данного прогресса стало избавление от расовой дискриминации). Однако, несмотря на то, что эти достижения имеют определенные положительные стороны, мы не можем испытывать от них удовлетворение в полной мере. Утрата той самой жизнеутверждающей борьбы противоположностей стала платой за эти успехи. Равноправие в первоначальном понимании этого слова означало равенство между людьми, выражающееся в том, что каждый человек - это определенная величина, ценная сама по себе; при этом никто не вправе превращать его в орудие служения чужим интересам. Пользуясь религиозной терминологией, эту же идею можно сформулировать следующим образом: каждый человек есть дитя Божие, и поэтому никто другой не может быть его Идолом или Господином. Под этим понятием подразумевалась ранее мысль о том, что каждый индивид имеет право на неповторимость и на развитие своих уникальных способностей, как бы он ни отличался от других, и в равной степени наделен человеческим достоинством.

В наши же дни равенство рассматривается как одномерность. Постулируется мысль о том, что никто не должен выделяться из толпы и все должны быть одинаковыми. Каждый боится не соответствовать установленным нормам, выделиться, как будто это может создать угрозу принципам равенства. Со своей стороны я абсолютно уверен, что такой подход чрезвычайно пагубен для творчества. По моему глубокому убеждению, человек вновь ощутит себя творцом лишь после того, как мы сумеем отказаться от подобного воззрения, и это позволит нам вернуться к правильному пониманию равенства.

Выражаясь образно, предрасположенность человека к творчеству можно определить как готовность каждый день рождаться заново. В самом деле, рождение не следует рассматривать как событие одномоментное, когда ребенок появляется на свет и делает первый самостоятельный вздох. Биология рассматривает этот момент как определяющий, однако это не так. Даже получив возможность самостоятельно дышать, новорожденный остается в той же мере беспомощным и зависимым от своей матери, как и в то время, когда он еще пребывал в ее утробе. Следует отметить, что и в рамках самой биологии процесс рождения имеет несколько этапов. На первом из них происходит расставание с материнской утробой, после чего следуют периоды привязанности и отлучения от материнской груди, затем расставание с подолом ее юбки и, наконец, с руками матери. Приобретая каждое новое умение (способность говорить, бегать, принимать пищу без посторонней помощи), ребенок тем самым покидает прежнюю ступень, на которой он находился в то время, когда еще этим умением не обладал. Человек постоянно переживает некое внутреннее раздвоение: испытывая страх перед расставанием с прежним состоянием, в котором он ощущал себя комфортно, он в то же время желает обрести возможность реализовать заложенные в нем силы и способности, и потому стремится перейти к новому этапу своей эволюции. Его все время терзает это ощущение двойственности, в нем непрерывно происходит борьба желаний: с одной стороны, ему хочется вернуться в материнскую утробу, с другой он стремится достигнуть полного рождения. На каждом новом этапе рождения от человека требуется определенное мужество: сначала он должен перенести разлуку с чревом матери, затем - с ее грудью, ее подолом, ее руками. Наконец, он достигает этапа, на котором происходит отказ от безопасности и надежности, в силу чего он сталкивается с необходимостью рассчитывать лишь на собственные силы; иными словами, в данный период человек должен обрести способность самостоятельно воспринимать окружающий мир и адекватно реагировать на него. В этом как раз и заключается обнаружение творческого потенциала человека. Итак, быть творческой личностью значит рассматривать свою жизнь как непрерывный процесс рождения и не считать законченным ни один ее этап. Большинство людей умирает, полностью так и не родившись. Под творчеством как раз и следует понимать способность человека родиться прежде, чем наступит смерть.

Быть готовым к рождению и, следовательно, к отказу от иллюзорных представлений о "безопасности" означает для человека обладать *мужеством* и *верой*. Мужество ему требуется для расставания со ста-

бильностью и безопасностью, равно как и для того, чтобы быть непохожим на других и не испытывать страха перед одиночеством. Мужество нужно и для того, чтобы, как гласит библейская притча об Аврааме, оставить свою родину, свою семью и устремиться навстречу неизвестности. Настойчивое стремление к истине как в своих мыслях, так и в чувствах, также требует от человека огромного мужества.

Лишь вера может придать человеку подобное мужество. В данном случае слово "вера" я употребляю не в традиционном для наших дней значении, когда под ним подразумевается убежденность в некоей научно недоказуемой и неподвластной здравому осмыслению идее. Я имею в виду ту Ветхозаветную веру, которая именуется словом "Emuna" и трактуется как уверенность. Такая вера означает отсутствие у человека каких-либо сомнений в реальности своей жизни, своих мыслей и эмоций, а также способность опираться на свой разум и чувства в познании бытия, рассматривая их как надежное орудие в этом познании. Из вышесказанного следует, что творчество немислимо без мужества и веры. В силу этого понимание сущности мужества и веры и стремление к их культивированию в себе является для человека непременным условием развития его творческого начала.

Подведем итоги. Я подразумеваю под словом "творчество" не свойство, характерное лишь для особо талантливых людей. Я понимаю под ним определенную жизненную установку, достижение которой реально для каждого человека, и поэтому он должен к ней стремиться. Готовить человека к жизни - значит готовить его к творчеству, и поэтому формирование творческого начала в личности необходимо сделать универсальным воспитательным принципом.

М. В. Бабалаева

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Проблеме образования в современном обществе отводится центральное место. Чему в педагогике будет отдано предпочтение - человеку всесторонне образованному в интеллектуальном смысле или человеку, чьи профессиональные ориентиры будут полагаться на стремление его к развитию своей духовности. Образование сегодня зачастую приравнивается к накоплению определённого интеллектуального капитала и концепция непрерывного образования из цели духовного роста чело-

века превращается в средство поддержания некоего социального статуса и неотъемлемого атрибута современной жизни.

В настоящее время распространён культ знаний и связанных с ним материальных притязаний, которые в дальнейшем реализуются в достижении различных житейских благ, социального престижа. Одновременно обнаруживается ослабление позиции духовно-нравственных принципов, способствующих *самоопределению* и становлению человека не как интеллектуальной машины, а как личности. Вследствие этого, концепция образования должна апеллировать не только к накоплению интеллектуального багажа, но к всестороннему духовному развитию человека.

Система образования, направленная только на обучение, не рассматривает человека как ценность. Сведение человека до уровня профессионального работника означает сужение понимания его сущности, способствует становлению человека, *не ориентированного на человеческое*.

В нашем обществе можно выделить два основных направления образования и воспитания - авторитарное и гуманитарное. Образовательные системы Древности и Средневековья носили выраженный авторитарный характер, в наше же время мы говорим о гуманитарной, личностно-ориентированной педагогике. На современном этапе развития нам уже не требуется доказательств преимущества гуманистического подхода к процессу образования. Его явным преимуществом обнаруживается, прежде всего, внимание к внутреннему миру человека. Философское понимание человека призвано стать ядром для его педагогического постижения. Нами ставится вопрос: что является предпочтительным - управление развитием личности или её свободное самополагание. Различные философско-антропологические концепции человека солидарны в понимании его как существа открытого, постоянно и заново определяющего себя.

Ответственность как критерий становления личности

Согласно экзистенциализму, человек познаёт мир не отстранённым разумом, а пропускает через себя, постигая его посредством своих поступков, удач или страданий. Опираясь на достижения психологической научной деятельности, мы утверждаем: не может существовать научной теории воспитания, так как личность и её проявления исключительно индивидуальны. Общими задачами педагогики являются *создание условий для обнаружения учеником смысла своего существования*,

осознание важности морального выбора и несения ответственности за него.

Рассмотрим концепцию экзистенциализма и тесно связанный с ней подход к образованию австрийского психолога В. Франкла (1905-1997). Подход к проблеме образования, предложенный В. Франклом, обусловлен нахождением человеком смысла своего бытия и принятием ответственности за свои решения при реализации этого смысла. Именно способность человека не просто существовать, а принимать решение, каким будет его существование и чем он станет в следующий момент, отличает человека от вещи и от животного. Развитая способность к этому выбору также отличает человека образованного от необразованного. А наличие такой задачи и формирование механизмов её решения отличает образование от его подобию.

В. Франкл, говоря об ответственности человека перед своей душой, подразумевал, что никто не принуждает его совершенствоваться, это лишь право и выбор самого человека. Выбор оставаться индивидуальностью или дорости до личности. При рассмотрении проблемы духовного совершенствования мы исходили из постулата, гласящего: "Человеческая сущность определяется сосуществованием двух категорий - индивидуума и личности". Первую мы связываем с принадлежностью к определённому роду, социальному классу: индивидуум, обладая собственным телом и собственной душой, детерминирован материальным миром и социальной средой. Индивидуум не обладает той степенью свободы, которая характерна для личности. Прячась в конформизм и оправдывая свои действия, или же своё бездействие, требованиями приватной порядочности или исполнением долга, индивид, тем самым, снимает с себя личную ответственность за свои действия. Иначе поступает личность. Она противопоставляет себя всему автоматическому, заложенному в психической и социальной структуре человека.

Н. Бердяев (1874-1948) пишет, что личность является сущностью другого измерения. В то время как индивидуум принадлежит земному и определяется земным, личность принадлежит Богу. Личность послана в мир земной для преодоления рабства души, предназначена для её роста. Лишения и страдания, посылаемые человеку судьбой, обращены не к индивидууму в нём, а к личности. Человек является гражданином двух миров - мира земного и мира духовного. Однако, соединяя в себе одновременно и индивида и личность, он уже обрёл себя в мире телесном. Его экзистенциальные мучения и страдания связаны с обретением другого мира, - духовного.

Таким образом, можно говорить о том, что человеку принадлежит свобода выбора - стать личностью или не выходить за рамки своей индивидуальности. Это его свобода и его ответственность. Только личность, как структура духовности, способна обращаться к духовному - к любви, восхищению, жалости и состраданию.

Собственные страдания, физические и душевные, делают более понятными страдания другого, уберегают нас от эгоцентричности, дают возможность приблизиться к постижению универсального духовного мира. Бердяев пишет: "Существование личности предполагает существование сверхличностных ценностей. Личности человека нет, если нет бытия, выше её стоящего, если нет того горнего мира, к которому она должна восходить. Личности нет, если нет сверхличностных ценностей, и личности нет, если она лишь средство сверхличностных ценностей"³⁰.

Личность проявляется не в кичливой постановке себя выше других, но в предъявлении самому себе особых, больших требований, пусть даже пока непосильных, но к коим необходимо всячески стремиться. Индивидуальный же (массовый) человек не выделяет себя ничем. Он такой же, как все и гордится этим. Одинаковый образ мыслей, целей, образа жизни рождает в душе "массового человека" веру в свою сопричастность сообществу единомышленников, веру в то, что он незауряден. Однако такой человек не имеет возможности проверить степень своего таланта, незаурядности, так как для этого необходимо сравнение, которого в массе просто не существует. Ведь сопоставить себя с другим означает хотя бы на миг вырваться из границ массы и ощутить себя свободным, то есть не причастным к ней. Но в такой ситуации существует опасность отторжения сообществом *человека-личности*, не похожего на *"таких же, как все"*. Потому массовому человеку гораздо проще находиться во власти иллюзий о своей нетривиальности, подпитываемой мнением таких же, как он людей, и подтверждающих его домыслы о самом себе.

Снятие с себя ответственности за свои действия или желания означает безусловно не рост, но деградацию человека. Он привыкает доверять решение своих личностных проблем третьему лицу. Им может выступать как конкретный человек, так и сообщество. Никто не может поспорить с остающимся неизменным на протяжении веков фактом - кто работает, у того, в итоге, и результат. Таким образом, индивид, облегчая себе жизнь переключением ответственности за неё на плечи

³⁰ *Всемирная философия. XX век / Авт.-сост. А. П. Андриевский. - Мн.: Харвест, 2004. - С. 142*

кого-то другого, вскоре перестаёт понимать самого себя и уже не способен оценивать себя адекватно.

Обратимся к высказыванию В. Франкла: "Истинно человеческое начинается в человеке там, где он обретает свободу противостоять зависимости от собственного типа. Но, чем больше стандартизирована личность, чем больше она растворяется в своём классе, национальности, расе или характерологическом типе, тем больше она соответствует некоему стандартному среднему - и тем ниже она в нравственном отношении"³¹.

В своём знаменитом труде "Восстание масс" (1929) испанский философ Ортега-и-Гассет подчёркивает: "В сущности, чтобы ощутить массу как психологическую реальность, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса - всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, "как и все", и не только не удручён, но доволен собственной неотличимостью."³²

Таким образом, растворение в толпе позволяет человеку избежать той ответственности, которая неминуемо ляжет на него, останься он наедине с самим собою. И наоборот, "общая" ответственность делится на всех членов сообщества, освобождая тем самым человека от принятия конкретного и сугубо личного решения, за которое лишь он один и будет отвечать, ни с кем не разделяя доли своей вины. Бегство в массы есть бегство от личной ответственности и попытка избежать связанных с нею переживаний и страданий.

Бегство в толпу как нежелание самостоятельно работать над возвращением своей души, приводит к непониманию человеком своей истиной сущности. Изначально человек не обладает какой-то особой выделенной природой, и только в ходе своих действий он становится тем, кем он желает стать. Французский философ Жан Поль Сартр (1905 - 1980) пишет: "<...> (Человек - *М.Б.*) первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причём таким человеком, каким он сделает себя сам"³³. По мнению французского философа, изначально отсутствует не только природа человека, но и сам Бог, который бы её задумал. Человек просто существует, и лишь от него одного будет зависеть, каким он станет с течением своей жизни. "И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существо-

³¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., Прогресс, 1990. - С. 201-202

³² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003. - с. 18-19

³³ Всемирная философия. XX век / Авт. - сост. А. П. Андриевский. - Мн.: Харвест, 2004. - С. 616

вать, и проявляет волю уже после того, как начинает существовать, и после этого порыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает"³⁴.

Генезис смыслополагания в традиции психоанализа

По Фрейд (1856-1939), лишь религия берётся дать ответ на вопрос о смысле и цели жизни. Фрейд делает, на наш взгляд, ошибочное заявление о том, что идея о цели жизни обязана своим существованием религиозному мировоззрению. Отбрасывая вопрос о смысле жизни в глобальном его значении, психолог останавливается на анализе поведения людей и их требований, предъявляемых к своему существованию. По итогам этого анализа Фрейд выводит формулировку: "... жизненная цель просто определяется программой принципа наслаждения"³⁵. Однако возможности для счастья ограничены структурой самой Вселенной. Фрейд считает, что принцип наслаждения и стремления к счастью как к удовлетворению потребностей "+главенствует в деятельности душевного аппарата с самого начала; его целенаправленность не подлежит никакому сомнению, и в то же время его программа ставит человека во враждебные отношения со всем миром, как с микрокосмом, так и с макрокосмом. <...> Можно было бы даже сказать, что в плане "творения" отсутствует намерение сделать человека "счастливым". <...> Значительно менее трудно испытать несчастье"³⁶.

Так, З. Фрейд искал истоки смысла в обусловленности опытом, приобретённым личностью на ранних стадиях своего развития. Главенствующее место занимали аффективные переживания и желания, имевшие место в юности.

А. Адлер (1870-1937) напротив, в своих рассуждениях основывается на смысле всей жизни личности, связывая его с жизненным стилем самого человека, конкретным жизненным планом, на видное место ставит анализ значения конкретных действий, поступков. Фрейдовскому "Почему?" Адлер противопоставляет своё "Зачем?" Адлер поясняет: "Без представления о цели индивидуальная деятельность потеряла бы всякий смысл"³⁷. Индивидуальный смысл жизни выступает в системе смыслоориентации Адлера как одно из центральных объяснительных

³⁴ Там же, с. 616

³⁵ Фрейд З. "Я" и "Оно": Сборник / Пер. с нем. - СПб.: Азбука - классика, 2006. - С. 178

³⁶ Там же

³⁷ Adler A. Lebenskenntnis. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. 1978. - 159S., S. 15

понятия и служит ключом к пониманию всей личности в целом³⁸. Адлер говорит о первичности смысла жизни относительно смысла отдельных действий. "Смысл жизни нельзя вывести из каузальных отношений, и тем более из личных воображаемых представлений, а лишь ... из преследования цели, из поиска решения задачи, заданного через её условия"³⁹.

В своей теории Адлер соотносит смысл жизни со своими представлениями о трёх фундаментальных проблемах, выступающих следствием трёх объективных аспектов (трёх связей)⁴⁰ человеческого существования. Первый аспект соотносится с конкретными условиями жизни человека, существование которых порождает проблему *профессионального самоопределения и труда*; второй связан с фактом жизни человека в обществе. Здесь на первый план выходит проблема межличностных отношений, дружбы и взаимопомощи. Наконец, третий аспект связан с наличием двух полов, порождающем проблематику отношений между ними, затрагивающем тонкие струны любви и брака. Именно этими тремя связями и определяется, по Адлеру, смысл жизни, в них он и заключён, и правильное разрешение противоречивых жизненных проблем помогает человеку обрести смысл своей жизни. Адлер настаивает на уникальности смысла жизни каждого конкретного человека. Сколько людей, столько и смыслов, и ни один смысл не может быть призван ложным или второстепенным.

Иные взгляды на проблему смысла жизни мы обнаруживаем у К.-Г. Юнга (1875-1961). В жанре критики одностороннего подхода Фрейда и некоторых положений Адлера в отношении проблематики движущих сил поведения и развития личности, Юнг выдвигает положение о неизбежности задачи обнаружения человеком смысла, благодаря которому он может существовать. "Человек может претерпеть тяжелейшие испытания, если он видит в них смысл. Вся трудность заключается в создании этого смысла"⁴¹.

Смысл жизни не может быть выведен только лишь из естественно-природных условий существования человека как живой особи. Необ-

³⁸ Adler A. What life should mean to you. - London: George Allen und Unwin, 1980. - 300 p., p.22

³⁹ Adler A. Psychoterapie und Erziehung: Ausgewahlte Aufsätze. Bd.3:1919 - 1929 / Hg. Von H.L.Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982 a.- 267 S., S. 79 - 83

⁴⁰ Там же и Adler A. Psychoterapie und Erziehung: Ausgewahlte Aufsätze. Bd.3:1930 - 1932 / Hg. Von H.L.Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982 b.- 285 S.

⁴¹ Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. - С. 182

ходимость кормить свою семью и воспитывать детей не придаёт жизни осмысленность. Лишь постановка *духовных* или культурных целей способна придать человеческому существованию осознанность. Наличие этих целей является условием душевного здоровья личности. "Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потерянным"⁴².

Данная концепция лишь отчасти перекликается с положениями Адлера о взаимосвязи смысла жизни личности с её уникальным стилем жизни. Принципиальное различие заключается в отношении к смыслу жизни как к специфической *потребности* и *задаче*. Так у Адлера индивидуальный смысл складывается у всех людей автоматически к определённому возрасту и, соответственно, может ими не осознаваться при этом. Юнг не соглашается с Адлером, затрагивая в "Проблемах души нашего времени" (1931) психологическую зависимость смысла жизни от возраста. Он делает акцент на факт, согласно которому в молодом возрасте у человека наиболее полно и весомо проявляется ориентация на действие и на воспитание в себе воли, а для второй половины жизни характерна важность познания собственной сущности.

Взгляд В. Франкла на проблему смысла жизни существенно отличается от вышеизложенных теорий и занимает в его творчестве центральное место. Поиск смысла и стремление к его реализации человеком Франкл рассматривает в качестве *врождённой мотивационной тенденции*, являющейся общей для всех людей и служащей основой для поведения и развития личности. Поиск смысла настолько присущ человеку, настолько является его вторым Я, его внутренней истиной природой, что его потеря ведёт к болезненным последствиям в структуре самой личности. Утрата или отсутствие смысла служит причиной для формирования многих психических заболеваний, в частности - "*ноогенных неврозов*"⁴³.

Фундаментальным психологическим фактом Франкл называет широкое распространение в наше время чувства смыслоутраты, прямым следствием которого является рост самоубийств, насилия, наркомании и ноогенных, особых, присущих нашему времени, неврозов - неврозов смыслоутраты. Франкл, как практикующий психотерапевт, говорит обо всё возрастающем числе пациентов, страдающих от ощущения внутрен-

⁴² Там же, с. 80

⁴³ См. Франкл В. Теория и терапия неврозов. СПб.: Речь, 2001

ней пустоты. Он назвал это состояние "экзистенциальным вакуумом"⁴⁴. Причина распространения экзистенциального вакуума обусловлена двумя факторами: во-первых, в отличие от животного мира, человеческое существование не обуславливается инстинктами; во-вторых, определяющие жизнь человека традиции и условности остались в прошлом и современный человек оказался перед открытым вопросом о том, что ему должно делать; зачастую он даже не готов ответственность о своих желаниях. Как следствие, "... он хочет делать то, что делают другие, или делает то, чего хотят от него другие. Он, так сказать, вносит свою лепту в конформизм и тоталитаризм..."⁴⁵.

Франкл приравнивает постановку вопроса о смысле жизни к выражению *самого человеческого, что только есть в человеке*. То есть, *кризис смысла жизни* - это не только развитие ноогенного невроза, но это и важный этап развития человека. Такой кризис в жизни каждого человека практически неизбежен, но не является необходимым для здорового роста личности. Свой личный смысл человек может приобрести лишь в мире, то есть в том, что является внешним по отношению к человеку и с чем человек может взаимодействовать. В процессе такого взаимодействия происходит познание личностью как мира, так и самой себя, ибо она неизбежно включается в акт познания. Утрата смысла связана, таким образом, с нехваткой подобного взаимодействия или сознательным отказом от него, то есть с нежеланием отвечать на вопросы, которые ставит перед человеком жизнь или с нежеланием слышать их.

Невозможно навязать человеку смысл. Он должен быть найден самостоятельно. Процесс нахождения смысла уникален в каждой ситуации. Он каждый раз представляет собой "требование момента"⁴⁶, направленное для осознания конкретному человеку в конкретный момент его жизни. Франкл убедительно доказывает, что нет такой ситуации, которая была бы лишена смысла и нет так же человека, которому его судьба не приготовила бы определённую задачу. Однако, такая задача не обязательна для решения: жизнь лишь предоставляет возможность реализации тех заложенных в личности потенциалов, которые реализуются либо под воздействием самостоятельных волевых качеств личности, а так же её нравственного желания достичь духовного совершенства или простого стремления к нему, либо благодаря вмешательству судьбы. Таким образом, человеку каждый раз предоставляется свобода

⁴⁴ См. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. И нем. / - М.: Прогресс, 1990. -С. 308-320

⁴⁵ Там же, с. 308

⁴⁶ См. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс. 1990. - С. 39

выбора между удобным, привычным, но не ведущим к совершенствованию существованием с одной стороны, и активным, деятельным бытием, изобилующем лишениями и страданиями, но наполненным так же и душевным ликованием от радости собственных побед.

Экзистенциальный вакуум и метание духа.

Экзистенциальный вакуум способен вызывать болезнь, то есть быть причиной ноогенного невроза. Ноогенный невроз стоит отдельно в ряду других неврозов - психогенных и соматогенных. Это - не болезнь психики и не болезнь тела. Это - метание духа. Франкл пишет: "Мы определяем ноогенный невроз как такой, который вызывается духовной проблемой, моральным или этическим конфликтом, каким может быть, например, конфликт между "Суперэго" и истинной совестью, когда последняя по необходимости противостоит первому"⁴⁷. Страдание и метание духа не есть болезнь, скорее это - норма. Страдание от поиска смысла, трудность его обретения и понимания является не невротическим симптомом, но достижением человека, ибо показывает недовольство собой и устремление к самосовершенствованию.

Основными проявлениями экзистенциального вакуума являются скука и апатия. Полемизируя с Фрейдом, который писал: "Когда кто-то спрашивает о смысле и ценности жизни - он болен"⁴⁸, Франкл задаётся вопросом о возможности соотнесения экзистенциального вакуума с болезнью. Ошибочную интерпретацию экзистенциального вакуума как патологического феномена Франкл связывает с результатом его проецирования из сферы ноологии в пространство психологии. Ведь в этом случае граница между экзистенциальным отчаянием и обычным эмоциональным расстройством оказывается размытой и духовное страдание приравнивается к психическому расстройству.

Как о лучшей части человеческого сообщества говорит Франкл о тех людях, которые не побоялись оторваться от уже достигнутого и устремиться к более глубокому, хотя и более трудному, требующему большого мужества, восхождению к поиску своего жизненного смысла. Но, быть может, человек зря ищет смысл и зря, страдая, стремится к его обретению? Гораздо проще поверить в наличие некоего онтологического измерения, существующего параллельно человеческому, в котором находятся характерные для каждого индивидуальные смыслы. В этом случае перед людьми будет стоять тоже достаточно трудная задача - расшифровка этих смыслов. Потребность психики признать детермини-

⁴⁷ Там же, с. 312

⁴⁸ Там же, с. 311

рованность смысла онтологической заданностью вполне ясна - такая позиция снимает ответственность за смысл жизни с личности и перекладывает её на онтологический абсолюте. То есть "ответ на вопрос о смысле жизни сводится в этом случае к поиску как бы заведомо существующего решения. Смысл жизни есть, как ответ на задачу в задачнике - нужно его только найти."⁴⁹ Естественно при этом, рассуждает А. Лобок, что возможно наличие как универсальной истины, так и универсального смысла для всех.

Существует, однако, и другая форма бегства от поиска индивидуального смысла - отхождение от категории "Я" и вхождение в категорию "Мы". В случае растворения своей индивидуальности в поле всеобщности человеку становится ненужным задумываться над вопросами о смысле жизни, о смысле своих действий, поступков, об их последствиях. В этом случае ответственность за действия конкретного человека оказывается переложённой на коллектив и превращается из индивидуальной в коллективную. А. Лобок называет такое отсутствие смыслового напряжения "ситуациями покоя"⁵⁰. Человек не просто снимает с себя ответственность за философское осмысление своей жизни; более того, он и вовсе перестаёт задумываться о её смысле. Личность проводит идентификацию себя с каким-либо коллективным "Мы" и включается в определённые повседневные ритуалы. Лобок обращается к созданию групповых, парных, половых, возрастных и других подобных перечисленным идентификациям, благодаря осуществлению которых человек приобретает псевдосмысл. Ярчайшим примером поддержания и лелеяния такой идентификации является система образования, в которой главенствующее место занимает категория "Мы". Репрессивные формы образования подавляют право ученика не совпадать с утверждённой учителем парадигмой, тем самым объединяя учащихся в ещё одну группу, лишённую индивидуальной идентификации.

Высокая задача педагога - суметь распознать зачатки личности в человеке, стоящего в самом начале пути своего совершенствования. Взрастить личность очень нелегко. Конформизм, притягивая к себе, обещает спокойное, райское существование, лишённое необходимости самостоятельной расстановки акцентов на добре и зле, добродетели и пороке.

⁴⁹ *Проблема смысла в науках о человеке*. Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005. - С. 27

⁵⁰ Там же, с. 29

Литература:

- "Всемирная философия. XX век / Авт. - сост. А. П. Андриевский. - Мн.: Харвест, 2004
- Х. Ортега-и-Гассет "Восстание масс". М., 2003
- Проблема смысла в науках о человеке. Материалы международной конференции. М.: Смысл, 2005
- Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: Пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990
- Франкл В. Теория и терапия неврозов. СПб.: Речь, 2001
- Фрейд З. "Я" и "Оно": Сборник / Пер. с нем. СПб.: Азбука - классика, 2006
- Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991
- Adler A. Lebenskenntnis. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1978
- Adler A. What life should mean to you. - London: George Allen and Unwin, 1980
- Adler A. Psychoterapie und Erziehung: Ausgewahlte Aufsätze. Bd.3:1919 - 1929 / Hg. Von H.L.Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982 a
- Adler A. Psychoterapie und Erziehung: Ausgewahlte Aufsätze. Bd.3:1930 - 1932 / Hg. Von H.L.Ansbacher, R.F. Antoch. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1982 b

А. В. Холобесова

ВОСПИТАНИЕ ДУХОВНОСТИ В СВЕТЕ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К.Г. ЮНГА

Как реализовать программу воспитания духовности? Вопрос этот, а также множество ему подобных, волнуют человечество уже не один век. Можно подойти к проблеме рационально: выделить критерии духовности. Они сегодня кажутся вполне очевидными, ими могут быть, например, духовное преодоление повседневности, обращение к высшим ценностям, свобода, ответственность и зрелость личности, соотнесенность с трансцендентным началом. Затем логично будет разработать методы и способы воспитания, направленные на развитие вышеперечисленных качеств у подрастающих поколений. Любой учебник по педагогике предложит нам целый спектр таких методов. Они успешно применяются в современной школе. Однако, с течением времени становится ясно: проблема стоит все так же остро. Гуманистические ценности хоть и декларируются, но, увы, не на них ориентируется современное общество, коль скоро скоро военные конфликты не стали далеким прошлым. Христианская мораль для многих существует в абсолютном отрыве от ре-

альной жизни, как бы сама по себе, а терроризм стал основной приметой начавшегося века. Список «достижений» можно продолжать. Почему происходит именно так?

Аналитическая психология К. Г. Юнга, как одно из направлений неофрейдизма, разделяет положение З. Фрейда о двусоставности человеческой психики. Сознание есть малая и сравнительно молодая составляющая души, возникшая как филогенетически, так и онтогенетически, из бессознательного, которое можно сравнить с океаном, омывающим небольшой островок – сознание. На этом сравнение исчерпывает себя, ибо сознание и бессознательное не есть стабильные, чуждые изменениям и взаимодействию, данные раз и навсегда структуры. Кроме личного бессознательного, содержащего в себе забытые, вытесненные нежелательные переживания, эмоции, аффекты, Юнг постулирует наличие коллективного бессознательного, включающего в себя опыт существовавших когда бы то ни было поколений в виде отпечатков, первообразов, пражереживаний, получивших в теории Юнга название архетипов. Наследуются не сами представления, а возможности их. Как русло реки наполняется водой, так и архетип наполняется опытом конкретной человеческой жизни. Бессознательное, с точки зрения Юнга, есть перводействительность, нечто самобытное и творческое, содержащее в себе одновременно начала и концы духовной жизни человека. Отметая эту часть души, как несущественную, психика теряет целостность, результатом чего становится болезнь. Юнг полагает, что психика представляет собой саморегулирующуюся систему, и недостаток в одном месте оборачивается избытком в другом. Отсутствие должного внимания к бессознательным процессам приводит к полной незащитности сознания перед деструктивными импульсами и тенденциями коллективного бессознательного. В результате чего человек становится игрушкой в руках архаичных, обладающих мощным разрушительным потенциалом, начал. Это может стать роковым для хрупкого, молодого сознания не только отдельного индивида, но и целых народов, этносов. Высшие человеческие ценности, постулируемые исключительно на уровне сознания, зачастую приводят к страшным последствиям, оборачивающимся геноцидом. Под маской спасения всего мира скрывается сам дьявол. «Ведь разрушительные войны и революции суть не что иное, как психические эпидемии» [8, 216]. Приходится признать, что в человеке, наряду с добродетелями, заложены и низменные, разрушительные тенденции. Единственно возможным путем спасения является признание их наличия, встреча с ними «лицом к лицу».

Архетип связан с мифологическими образами и переживаниями, как самой древней формой опыта. В основе душевной организации лежит миф, который дает человеку чувство связности, целостности существования, причастности к глубинным корням своего естества. Получить доступ к этому таинственному и бесценному кладу наше сознание может, лишь ассимилировав его в символических формах, т.е. в виде сновидений, фантазий, традиционных мифологических и религиозных образов. А потому, объявление материала сновидений «всего лишь» переработанным дневным опытом, мифа – ничего не значащей сказкой, религии – пережитком прошлого, ведет к замыканию сознания на самом себе, потере основ душевной деятельности, болезни. Значит, не приходится уже говорить о какой-либо духовности, ибо это понятие неразрывно связано с целостностью, не сводимой к простой сумме частей, зрелостью личности, с признанием в качестве ценности наиндивидуальной жизни души, процессов, находящихся «по ту сторону» сознания и обыденности.

Идеал духовности реализуется человеком на пути, который в теории Юнга носит название индивидуации. Она предполагает освобождение психики от оков коллективной бессознательности, путем осознания собственной инаковости, обретения свободы, а значит, принятия ответственности за свои действия. Индивидуация не имеет ничего общего с индивидуализмом, т.е. выпячиванием своей osobости в ущерб коллективу. Она предполагает процесс личного развития, в ходе которого реализуются задатки и способности, которые и являют нам подлинную индивидуальность. В этом нет культа себялюбия, а есть лишь стремление найти самого себя, что в конечном итоге служит только благу общества. Если же в человеке развивается и культивируется исключительно коллективное, то индивидуальные свойства подавляются, оказываются в бессознательном, приобретают разрушительные и архаичные черты. Юнг пишет: «Без свободы нет нравственности. Мы удивляемся низкому облику великих организаций, но это удивление исчезает, когда мы понимаем, что за изнанка у этого дива. Именно чудовищное накопление и выпячивание в человеке всего первобытного неизбежно уничтожает его индивидуальность в пользу того монстра, которым как раз и является всякая большая организация» [7,178].

В ходе индивидуации возникает та целостность, интегрирующая в себя все стороны души, способная к сопротивлению, наделенная силой, которую только и можно назвать личностью. С точки зрения Юнга, в основе развития лежит инстинкт самоосуществления, необходимость, толкающая человека на весьма опасную и непредсказуемую авантюру –

познание самого себя. Невозможно достичь идеала нравственности и духовности, потому что это «хорошо», «правильно». Порой нам необходимо внешнее или внутреннее принуждение, чтобы осознать необходимость развития. Тем более, что это весьма рискованное мероприятие, страх перед которым вполне обоснован: никто не знает, какие способности ждут своей реализации внутри нас, никто не может гарантировать определенный результат. Кроме того, человеку, осознающему себя, приходится честно взглянуть в глаза своему одиночеству, поскольку он лишает себя иллюзии принадлежности ко всем мыслимым организациям и общественным структурам, ведь он перестает быть безликим членом какой-либо общности, обретая тем самым свободу, но лишаясь чувства защищенности. Следует сказать, что индивидуация не является конечной целью, она лишь идеал, вектор движения, поскольку становление личности охватывает всю жизнь индивида и завершается лишь в момент его смерти.

Педагогическая и психологическая литература пестрит призывами формировать у учащихся личность, однако, с точки зрения Юнга, свойства зрелой личности не могут и не должны наличествовать у ребенка. Потому что в этом случае у него просто не было бы детства, ведь ребенок – это не уменьшенная копия взрослого, хранящая в себе в зародыше взрослые качества. Младенец, как уже отмечалось выше, не обладает развитым сознанием, которое лишь начинает выкристаллизовываться из бессознательного, достигая некоторого становления к периоду половой зрелости, но полностью завершенным этот процесс нельзя считать ни в один из периодов жизни человека. Изначально психика ребенка слита с психическим миром родителей. Практически все нарушения, встречающиеся у дошкольников, как отмечает Юнг, коренятся в нарушениях психики их родителей. Трудности во взаимоотношениях взрослых неизбежно отражаются на душевном состоянии ребенка. Юнг пишет, что большинство сновидений раннего детства относятся к проблемам родителей, ребенок видит тот сон, который предназначен не столько ему самому, сколько отцу или матери. В нашей культуре принято считать взрослым и самостоятельным того, кто в состоянии обеспечивать себя сам, зарабатывать и вступать в брак. Однако это ни в коей мере не может служить критерием воспитанности. Доказательства тому огромное количество несчастных браков, разочарований в выбранной профессии, алкоголизма и других эксцессов. Таким образом, с позволения сказать, «недовоспитанные», инфантильные родители принимаются за воспитание собственных детей. Неудача этого мероприятия очевидна, ведь невозможно уберечь ребенка от тех ошибок, которые все еще совершаешь

сам. Очень сложно быть свободным от своего прошлого: зачастую те, кого родители держали в излишней строгости, выбирают попустительский стиль воспитания, те, от кого скрывали любую информацию, начинают посвящать своих чад во все тайны бытия. Юнг обращает внимание на то, что взрослые обязаны, прежде чем пускаться в педагогические авантюры, обратить внимание на самих себя, возможно, что в изменениях нуждаются прежде всего они сами, а не их дети.

Процесс индивидуации разворачивается преимущественно во второй половине жизни. К моменту поступления в школу ребенок уже обладает осознанием своего «Я», но оно еще хрупко и утвердить свою индивидуальность не в состоянии. В течение первой половины жизни должно быть обеспечено развитие здорового и сильного «Я», «Эго», которое является базисом и условием для развертывания индивидуальной судьбы. Задача освобождения «я» ребенка от тождества с семьей, родителями ложится на школу, поскольку это зачастую первая среда, в которой оказывается ребенок за пределами дома, семьи. Не менее высокие требования, чем к родителям, Юнг предъявляет к учителям и воспитателям. «Тому, кто сам не является личностью, вообще не дано воспитать личность» [8,207], - пишет он. Перед учителем стоит нелегкая задача: с одной стороны он не должен подавлять учащихся авторитетом, а с другой – демонстрировать силу и цельность собственной личности. Искусственно подогнать себя под этот образ невозможно, и даже самые совершенные методы не восполнят отсутствие нравственного и душевного здоровья. Если педагог бессознательно позволяет себе все то, от чего пытается уберечь своих воспитанников, его усилия окажутся бесполезными. Методы воспитания, ориентированные исключительно на сознание, игнорирующие бессознательную сторону души, упорно применяются в педагогическом процессе, хоть и не дают значимых результатов. Высокие идеалы гуманизма, нравственности, духовности невозможно механически вложить в кого-то, этому нельзя научить, как учат, к примеру, математике. Единственно верный способ воспитать духовность в ком-то – самому обладать этим качеством.

Юнг считал, что мораль не навязана человеку свыше, не прививается обществом, мораль представляет собой функцию человеческой души, заложена в глубинах психики изначально. То же самое можно сказать о способности к религиозному переживанию. Центром психики, связывающим отдельные ее части в единое целое, является Самость – центральный архетип личности. Энергия ее столь велика, а принуждение столь сильно, что Самость воспринимается и переживается как нечто божественное. Если существует Бог, то человек способен воспри-

нять его только через функцию Самости. Самость, как некое средоточие прошлой и будущей жизни человека, таинственное нечто, требующее осуществления себя самого, голос внутренней совести. Она находится по другую сторону разума, она недостижима и непостижима умом. Эта неразличаемая нами сущность, превосходящая по объему и значению «Эго» не может быть им полностью ассимилирована, как часть не может познать целое. Встреча с Самостью является конечной целью индивидуации, в этот момент человеческое «Я» обретает должное смирение перед силами, более могущественными и древними, чем оно само. В истории человечества нуминозный опыт принимал различные формы: религиозного откровения, научной интуиции, пророческих сновидений. Надо отметить, что сущность Самости весьма далека от человеческих представлений о мире, добре и зле, морали, социальной норме. Ее голос и требования могут быть пугающими, непонятными. Достижение контакта с Самостью не является условием совершенства, как его понимает та или иная культура, это лишь момент завершенности себя. Неотъемлемым свойством личности Юнг считает предназначение и веру в него. Человек словно бы слышит чей-то голос, который просит, заставляет, требует двигаться дальше, и измена этому внутреннему закону становится подчас страшнее смерти. Голос Самости слышат почти все, это словно легкий укол совести, словно бы что-то не так. От подобных, лишаящих покоя, «назойливостей» хочется избавиться, а потому чуть различимый внутренний голос нивелируется с помощью рационализации, объясняется с позиций сознания.

Архетип Самости воспринимается сознанием через бесконечное число символов, каждый из которых не имеет однозначной интерпретации. Восприятие символов внутренней целостности позволяет душе постичь несотворенную, вездесущую, невещественную реальность – дух. Он переживается как стремление бессознательного стать сознанием, т.е. он являет собой еще не свершившееся «высшее» сознание. Духовность есть воздействие духа на душу и тяга к вершинам бытия. Символы являются конкретным воплощением архетипа в нашем мире, все самые действенные идеалы имеют архетипную природу, а потому затрагивают глубинные слои души. И только обращение к извечно волнующим человека образам способно разбудить его душу, дать прикоснуться к сфере, существующей вечно.

Бессознательное в основе своей иррационально, оно не поддается разумному регулированию, оно «мыслит» иначе, чем понимаем мышление мы. Оно создает некий образ, отвечающий состоянию сознания, в этом образе, ничуть не меньше чувства, чем мысли. Потому, ориентиро-

ваться исключительно на мышление, ограничивать душу тождеством сознания и разума, значит искоренять иррациональное, терять собственные корни и единственную возможность осуществить индивидуальное предназначение. Регулирующая функция противоположностей состоит в том, что все однажды превращается в свою противоположность. Отсутствие гармоничного взаимодействия сознания и бессознательного, разума и чувства, уклон в сторону одного из полюсов, т.е. установка сознания, рано или поздно порождает компенсацию. Рациональная культурная установка, увы, и по сей день доминирующая, грозит обернуться иррациональным культурным опустошением. «Иррациональное нельзя и пытаться искоренять – оно не может быть уничтожено. Боги не должны и не могут умереть... в душе человека всегда таится нечто, подобное высшей силе, и если это не сама идея Бога, то, вероятно, чрево, согласно апостолу Павлу» [8,31].

Идеалом состоявшейся личности Юнг считал жизнь Христа. Этот пример показывает, сколь высок этот идеал. Есть и другие примеры. Роман Гремана Гессе «Игра в бисер» заканчивается такими словами: «И в то время как он, всем доводам вопреки, ощущал свою совинность в смерти учителя, его охватил священный трепет от предчувствия, что эта вина преобразит его самого и его жизнь и потребует от него куда большего, чем он когда-либо от себя требовал» [1,376]. Безусловно, подобное откровение далось герою романа дорогой ценой. Духовность, достигаемая через самопознание, в том смысле, как понимал его Юнг, весьма рискованное мероприятие, ведь человеку приходится сталкиваться с темными сторонами своей души, идти на многие жертвы, а потому это удел взрослого: воспитателя, учителя, родителя, а никак не ребенка, обрушивать на которого подобные требования неоправданно и небезопасно. Слова Юнга об индивидуации и духовности обращены к взрослым, которые опосредованно, через собственную личность, смогут достойным образом осуществлять воспитательную деятельность.

Литература:

1. Гессе Г. Игра в бисер. СПб., 2004.
2. Гуревич П.С. Психоанализ. М., 2007.
3. Гуревич П.С. Философия: Учебник для психологов. М., 2004.
4. Мирская Л.А. Карл Густав Юнг. М., 2006.
5. Психологический словарь / Под общей научн. ред. П.С. Гуревича. М., 2007.
6. Юнг К.Г. Дух в человеке, искусстве и литературе. Мн., 2003.
7. Юнг К.Г. Очерки по аналитической психологии. Мн., 2003.
8. Юнг К.Г. Психика: структура и динамика. М., 2005.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Балагушкин Е.Г.</i> Проблемный анализ религии в высшей школе.....	3
<i>Новичкова Г.А.</i> Проблема воспитания и образования в трактовке К. Ясперса.....	11
<i>Самохвалова В.К.</i> Нравственность как веление времени.....	22
<i>Султанова М.А.</i> Кризис ценностных ориентаций.....	32
<i>Филатова А.О.</i> Потенциал мышления и воспитание студентов....	44
<i>Свинина Т.М.</i> Творчество и духовность.....	52
<i>Бабалаева М.В.</i> Проблема духовного роста в контексте педагогической парадигмы.....	64
<i>Холобесова А.В.</i> Воспитание духовности в свете аналитической теории К.Г. Юнга.....	75

Сведения об авторах:

Бабалаева М.В. – аспирантка Института философии РАН.

Балагушкин Е.Г. – ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук.

Новичкова Г.А. – старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук.

Самохвалова В.К. – доцент кафедры философии Московского государственного университета дизайна и технологий, кандидат философских наук.

Свина Т.М. – аспирантка Московского государственного университета технологий и управления.

Султанова М.А. – старший научный сотрудник Института философии РАН, кандидат философских наук.

Филатова А.О. – докторант Московского государственного университета технологий и управления.

Холобесова А.В. – аспирантка Московского государственного университета технологий и управления.

Научное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

IV международная научная конференция

Москва, 18–20 октября 2007 г.

Доклады и материалы

Секция 1

Духовное развитие человека и содержание высшего образования

Часть 2

*Доктор философских наук, доктор филологических наук,
профессор П.С. Гуревич*

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 27.09.2007 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 5,25

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1